

МУ «Центральная библиотека МОГО «Ухта»
Отдел краеведения

ЛИТЕРАТУРНАЯ УХТА

сборник
авторских произведений
участников конкурса
«Литературная Ухта»

поэзия и проза

Ухта, 2022

ББК К84

Л64

Литературная Ухта : поэзия и проза // Муниципальное учреждение «Центральная библиотека МОГО «Ухта». Отдел краеведения. – Ухта, 2022. – 97 с.

В сборник вошли 56 произведений 40 авторов – авторские стихи, произведения малой прозы и песни – участников Фестиваля литературного творчества «Литературная Ухта», который состоялся 19 ноября 2022 года в Центральной библиотеке г. Ухты.

© МУ «Центральная библиотека МОГО «Ухта»

Содержание

Антименко Наталья Спуск ай	5
Л и Б	5
Аншуков Владимир Марафон	7
Арсеньева Евгения В день новомучеников	9
Загадка	10
Безденежных Ольга Завтра сяду на диету	13
Танго с Вахтангом	14
Бережной Дмитрий Лирическое	17
Улыбка в кармане	18
Бусыгина Лия У альпинистов кодекс чести свой...	21
Варламова Екатерина Зима	22
Горбунова Елена Бессмертный полк	23
Данилов Владимир Остров	24
Заварзина Наталья Малиновый звон	27
Зеленцов Дмитрий Признание любимой	28
Кадедя Татьяна Спешу домой	29
Карпов Евгений Ночное	29
Киржаев Виктор Деревья	30
Король Максим Звёзды помнят всё	31
Крючков Сергей Июнь	32
Лудников Николай Тропинка к Богу и к себе	33
Лудникова Анжелика Случай	36
Лызлова Валентина Начало дня	41
Материнский инстинкт	41
Мачулин Лев Двое в лесу	45
Мезенцева Галина У костра	46
Мильков Алексей Баллада о добровольце, уходящем на войну	47
Жуть на кавказской свадьбе, или Кинжал – лучший способ проверки любви	49
Колыбельная про солнышко	51
Михеева Николь Работайте братья	52

Перепон Евгений Пожалуйста, прими себя...	53
Пиженко Эвелина Рубашка	54
Боровской вальс	56
Пляшкова Галина Республика Коми	57
Судьба	58
Преображенская Галина О Харьяге	59
Рочев Константин Общее описание содержимого системного блока компьютера	60
Саламатова Ксения Лиса и мудрая Сова	65
Сахарный Валерий Напоминание о несбывшейся любви	66
Сказка о принцессе	67
Дорожная песня	69
Сацюк Екатерина Успейте налюбоваться на Земле	69
Мои Ангелы-хранители	70
Слава Богу за всё	72
Суханова Валентина Ода Ученику	73
Здравствуй, «жемчужина Севера»!	74
Сухаров Алексей Милая, малая родина	75
Море в капле	76
Токаренко Дарья Билет в кино	80
Троханович Мария Двадцать шесть миллионов	84
Тряскина Наталья Мама	87
Филиппов Николай Олӧмысь кымынкӧ пас	88
Чужан сиктад мунӧн и автобусын гажа да серама	89
Цыганов Анатолий Одноклассники	83
Чепиль Юлия Детство	96
Швецова Наталья Осень жизни	97

Спускай

Давай же смелей!
Спусти этот чёртов курок.
Хватило же сил взяться за пистолет!
Ну так где же они, когда выхода нет?
«Выхода нет...» –
Всё твердишь неустанно.
Я громко молчу, очень тихо шепчу,
Чтоб только услышал:
Выход есть!
Выход был...

Пока на груди моей не виднелись следы твоих жёстких ударов:
Первый был вправо, но я устояла.
Второй – прямо в центр,
Честно, не ожидала.
Третий, казалось, последний,
Я слезы со смехом смешала!
Кажется, было ошибкой
Позволить тебе начать всё сначала.
Теперь улыбаюсь...

Скажи, почему в очень мною любимых глазах такой дикий страх?

Ты же точно уверен, что я не уйду,
Ты же точно уверен, что я не предам,
Ты так однажды в порыве гнева сказал.

Спускай...

Что мне дуло холодного металла?

Когда я сердце, которое ледянее любого железа с трепетной нежностью к своей
груди прижимала.

Л и Б

Встревоженная женщина вбежала в здание милиции, пряди волос у лица
выбивались из-под маленькой бархатной шляпки с пером.

– Я убила его! – громко и истерично кричала она, порываясь попасть в какой-
то из первых встретившихся ей на пути кабинетов. Рядом оказался молодой человек

в форме, он ухватил её за локоть, стараясь отвести от двери, в которую она колотила ладонями обеих рук.

– Успокойтесь, пожалуйста. Что произошло?

– Я убила... – прошептала она еле-еле, словно делая последний выдох.

– Пройдёмте в кабинет, и вы мне всё расскажете.

В кабинете оказалось безумно холодно, ветер пробирался сквозь все щели этих дряхлых деревянных окон. Стулья под собеседниками скрипели и всё вокруг в этом помещении будто не жило уже лет 100. На подоконнике в пошарпанном керамическом горшке стоял единственный цветок, суховатый, он был совсем болезненного-жёлтого цвета.

– Так что, Вы говорите, произошло?

– Сегодня на улице ветрено....

- Да, но, кажется, Вы говорили о том, что совершили какое-то преступление.

– Так и есть. – Теперь она была спокойна и смотрела куда-то в пустоту.

Милиционер молчал. Гудел ветер. Оконные рамы чуть дребезжали.

– Жаль, что я сегодня не в его любимом коричневом пальто. Ему так не нравилось, когда я надевала чёрные вещи. – Часы с кукушкой на стенах пробили двенадцать вечера.

– У вас часы спешат. Мы условились встретиться на мостовой в 12. Я бы не опоздала никогда. – Она слегка прищурила глаза и посмотрела на часы. Перевела взгляд на милиционера. Он терпеливо ждал. Либо эта женщина действительно кого-то убила, либо она просто выжила из ума. А может и то, и другое.

– Знаете, я сказала ему, что выхожу замуж. Он долго смеялся, а потом ушёл. Я писала ему письма. Но он не отвечает на них. Это значит, что я его убила. Понимаете? Значит, я не то, чтобы сделала больно... получается, что я сломала всё. Я разбила ему сердце! Это хуже любой физической боли.

Милиционер выдохнул. Мышечное напряжение тела спало. Он отложил карандаш, который держал в руке, готовясь записать любое самое страшное чистосердечное признание. Она снова взглянула на часы.

– В тот вечер всё шло кувырком. Всё! Он принёс мои любимые конфеты – суфле в шоколаде – только он знал о том, как я их люблю. И все знают, как их сейчас тяжело достать. Я была не в себе. И он знал, что со мной такое часто случается. Я, знаете, не хотела его видеть, но мне так хотелось его обнять. Я ходила по комнате, держа в руке свечу. Пообещала, что сожгу все его письма. А он сидел в огромном кресле и наблюдал. Он ждал. Я знаю, что он ждал, когда я приду в себя. Но это было невозможно. Я даже вытащила из шкатулки письма, написанные им. Вы только представьте себе, я хотела сжечь самое дорогое, что есть у меня... Он сказал равнодушно: «Жги!» И я раскидала все драгоценные бумаги по полу. Он поднялся с кресла, обхватил мои плечи своими тёплыми ладонями... Но я знала, что

скоро я убью всё, что нас связывает. В этот раз я не просто сходила с ума... нет... в этот раз я знала, что скоро не станет ничего. И его тоже не станет. И меня... Он долго обнимал меня, гладил по голове. А потом спросил: «Хочешь, я напишу тебе письмо?», я кивнула. Мы сели за дубовый стол в моём кабинете. И он стал писать. Я наблюдала за тем, как медленно и методично он карандашом выводит слова и как они собираются в предложения. И я запомнила, он писал: «Мы обязательно поедem к океану. Я не перестану писать тебе писем. Только не сжигай. Но если ты решишь, что я больше тебе не нужен, то уничтожь сначала меня, а после всё то, что тебе напоминает о моей безобразной душе. Я люблю тебя и буду любить вечно. Чтобы не произошло. Навсегда Ваш В.» Я запомнила каждое слово. Каждое его движение.

Милиционер не перебивал несчастную, он слушал внимательно и, казалось, даже проникся её историей. Глаза его были грустны. Теперь в помещении воздух не казался таким холодным и, то ли его согрело жаркое дыхание печальной «преступницы», то ли откровения способны растопить любой, даже самый холодный лёд.

– А потом... – она продолжила, – потом я сказала, что выхожу замуж. Больно? В тот вечер мы убили друг друга.

Настала тишина. Одна лампочка, висящая на проводке посреди потолка, освещала лишь стол, по обе стороны которого сидели два печальных человека. Она поведала историю своего горя, а он, наверняка, вспомнил своё.

Этот кабинет, и этот цветок на окне, закручивающийся в спираль, ещё ни разу не слышали настолько чистого признания. Ведь каждый, кто до сего дня сидел на этом скрипящем стуле, непременно врал в своих «чистосердечных» признаниях.

.....
Владимир Аниуков
.....

Марафон

Так лаконично: «Бог наш – бег» –
Сказал какой-то древний грек –
Мне это виделось резонным.
Я не ходил молиться в храм,
А только бегал по утрам,
Себя готовя к марафонам.

Серьезный, философский бег:
Бежит по трассе человек,
Всю жизнь осмыслить успевая.

В пространстве – времени полёт...
И время медленней течёт,
Короткий век наш продлевая.

Соперник мой по возрастной
Мне говорил, что я больной,
Что много пью, не так питаюсь,
И, игнорируя режим,
Одним характером своим
Чего-то выиграть пытаюсь,

А я опять бегу, бегу...
Уже прибавить не могу –
Так сильно мышцы ног «подсели».
Лишь тридцать пятый километр,
А сил уже нисколько нет,
Апатия в душе и в теле.

Вот идиот, так идиот!
Зачем я выбрал этот спорт?
Не глупый вроде и с усами.
Такой забег не для людей,
Для быstroногих лошадей –
Уж лучше бы я выбрал сани.

Один исьяк, упал в траву,
Я так завидую ему
И с радостью прилѐг бы рядом.
В гробу я видел марафон,
Сойду, забуду этот сон –
Такого Бога мне не надо.

Второй во мне ответил так:
«Ты просто баба, ты слабак!»,
При этом выругался грубо.
«Ведь Бог терпел и нам велел» –
Он убедить меня сумел,
Я бег продолжил, стиснув зубы.

Соперник мой передо мной,
Он надоел своей спиной,
А мозг вперед зовёт, как зуммер.
Собрать остатки воли смог
И сделал финишный рывок,
Его я «сделал» и не умер.

Хоть стонет плоть, поёт душа,
И жизнь чертовски хороша,
Она дана нам, как награда.
И все сомнения суметь,
Как марафон, преодолеть
Для счастья позарез нам надо.

.....
Евгения Арсеньева
.....

В день новомучеников

И раскололась голова
На черепицы,
Жду опадающей листвы
И рукавицы.
Дороги узенькой стезя
Меня украсит,
А за чертою западня
Вещает ящик.
Бушуют страсти и шумы
Сверхзвуковые
И увенчаются сыны
Для всех родные.

Загадка

Глава 1. Фраза

Оля проснулась рано от беспокойного дымного смога, который вползал через открытую форточку. Стояло лето. Горели торфяники.

Оля только отходила ото сна и собиралась помолиться, но сперва нужно выпить кофе, чтобы в её дымной голове прояснилось и появились силы. Она уже собиралась греть чайник, как увидела, что ещё с вечера оставила себе кружку крепкого кофе. Кофе был холодным, но Оля выпила его залпом и в голове потихоньку стало проясняться.

Молиться, подумала она, и стала по памяти шептать утренние молитвы, и ограждать себя крестным знаменем, защищаясь от невидимого зла.

Оля в своей жизни сталкивалась со злом. И видимым, и невидимым, и прежде всего своим собственным. А ещё её уже много лет сопровождали загадка, которая вызывала тревогу, но Оля старалась не вспоминать о ней. Потому что если вспоминать, то только плакать, как она плакала вчера. Слово это меч. В её жизни был человек, который этим мечом пользовался и не раз. Возможно, виною была её болтливость, но даже в этом случае её болтливость получила сполна и больше.

Просто однажды Странник выдал фразу, при воспоминании о которой Олю до сих пор охватывала дрожь и подступали слёзы. Она старалась заземляться и не думать, но оно само то стучало, то спотыкалось, а то и орало в её голове: «Ещё раз кому-то из друзей фигню напишешь забаню везде», ... ещё раз ... кому-то из друзей ... фигню напишешь ... забаню везде..., ЕЩЁ РАЗ КОМУ-ТО ИЗ ДРУЗЕЙ ФИГНЮ НАПИШЕШЬ ЗАБАНЮ ВЕЗДЕ... Это фраза была вышита грубыми нитками на Олином сердце.

Когда Странник написал это Оле, она как ошалелая металась по дому, и шептала «какую фигню?», «каким друзьям?», «почему везде?», и ворох суетливых мыслей кружился вместе с ней: КТО его друзья? Она не знала вообще его друзей, и эта фраза прозвучала для неё громом среди ясного неба. У них были разве что общие знакомые, и некоторых из них она считала своими друзьями. Почему она не может что-то писать СВОИМ друзьям, в конце концов?

...Что это значит? Из какой области? Это сленг, уличный жаргон, хейт или ...что это вообще такое? Где такими фразами скальпируют? КТО может так выразиться? Ведь это явно не литературный язык. И как дальше строить переговоры со Странником? Выйдет ли он на контакт ещё, чтобы ей оправдаться, или объясниться, или хоть что-нибудь вымолвить?

Эта фраза, казалось, была вставлена в каждый сантиметр стен в её комнате. Эти слова сверкали мечом. Мечом, приставленным к шее и готовым каждую минуту отрубить голову. Это было тяжело. И она понимала, что этот Человек

может ещё раз повторить эту фразу, хотя уже прошли годы, любви нет и завяли помидоры. Что Он снова может подставить меч над шеей, готовый отрубить голову. Она чувствовала, что Он это может и боялась. Но есть Архангел Михаил, образ которого Оля всегда носила с собой, который защищал её мечом от всякого зла, и она надеялась, что он защитит её от меча этого Человека, который одним словом может разрушить всю её жизнь.

А тогда, много лет назад, Оля ещё долго не могла успокоиться. Она не могла успокоиться ни день и ни два, а в течение полугода, и только потом, понемногу, эта злосчастная фраза стала от Оли отступать.

Глава 2. Ступени

Общение со Странником было очень странным, позволим себе такую тавтологию. После угроз он часто теплел и смягчался, и это живило Олю. Но иногда Странник молчал. Он молчал неделю, и две, и три, и семь, и в эти периоды Оле казалось, что он чувствует, как его слова могут ей навредить, и не хотел вредить. Не хотел больше задевать Олю сверкающим мечом. Возможно, это была жалость, или милосердие, или обычная человечность. А может быть простое равнодушие.

Временами она ощущала, что лежит головой на его коленях, а он не смеет пошевелиться, как будто она была задремавшей кошкой, которую можно спугнуть неосторожным движением.

В такие минуты Оле было хорошо. Страх отступал, она понимала, что, может быть, он её жалеет. Она даже не воспринимала это как свою фантазию, а просто испытывала такие состояния, обессилено сдавшись необъяснимому, потому что снова ощущала, как он опрокидывал её на свои колени. Колени были тёплыми, и она чувствовала на себе его неотрывный убитый взгляд.

Как-то утром, когда в очередной раз случилось необъяснимое, Оля случайно заглянула на Его страницу и увидела, что на аватарке стоит картинка: мальчик сидит на ступенях замка, над головой у него звёзды, а на коленях у него покоится девочка. И мальчик грустно наклоняется над ней, закрыв от холода длинными полами своего плаща.

Когда Оля это увидела, она похолодела: значит, то, что ей кажется, может быть в какой-то степени правдой. Может быть, есть какие-то сверхъестественные связи между людьми.

Оля вообще была чуткой к потустороннему миру, из-за того, что у неё была слабая психика, точнее особенность головного мозга, которая нарушала ту плотную оболочку, которая отгораживает нас от невидимого мира. Поэтому Оля ощущала ближе Бога и святых, но в то же время какие-то другие вещи ей порой открывались. Иногда у неё была потрясающая интуиция. Случалось, что она слышала чужие разговоры, которые могли повлиять на её судьбу, и потом подтверждалось, что эти разговоры были. Или видела внутренним зрением что-то,

чего другие не видят. Например, перед пандемией ей за неделю открылось внутренним зрением, что она пытается попасть в церковь и не может. В нужный момент ей кто-то что-то подсказывал и помогал, даже в самых мелочах жизни, если она молилась Богу, святым и Ангелу Хранителю.

Но, к сожалению, и нападки злых духов она также ощущала, и возможно эти странные взаимосвязи и есть наваждения от них?

И потому вполне понятно, если то, что у Странника где-то глубоко и далеко хранились в голове или компьютере, даже безо всякой связи с самой Олей, каким-то образом на Олю влияло. Да будь это хоть обычная компьютерная игра, но игра любимая. Это было скорее страшно, чем весело. Надо было убежать.

Глава 3. Синхрония

Пора было убежать, но прежде всего Оля спросила самого Странника, как он относится ко всему происходящему и как вообще вот так получилось-то. Она написала Ему везде, где могла, где Он ещё не успел заблокировать, и ей кровь из носа нужен был его ответ здесь и сейчас, но Странник долго держал осаду. Потом, видимо, что-то понял и написал Оле всего три слова «это обычная синхрония», на этом их диалог прекратился. Это обычная синхрония, и для Оли начался новый квест: что за синхрония, из какой области хотя бы эта синхрония? Но и Гугл ничего путного ей не ответил... И скажу вам по секрету, для Оли и по сей день слова Странника остаются загадкой.

Иногда Оля чувствовала, когда молилась за Странника, что соприкасается с Его душой, но почему-то только с тёмной частью его души. Она знала, что Он любит ужасы, и что в Нём была какая-то непонятная тяга ко всему inferнальному: и в музыке, и в искусстве и в книгах. Но Он для неё был светлым Человеком. Светлым, несмотря на то, что inferнальные монстры Его души то и дело её угнетали. Настолько, что уже стирались границы между его душой и её. Это пугало. Оля хотела отделить себя от тьмы и искала защиты у Бога и после Причастия она понимала, что больше нет этого чёрного куска в её душе. Что тёмной части Странника больше нет в её жизни. Что Господь освободил её от его власти...

Но бывало включалась инертность и Оля вновь мысленно соединялась со Странником и встречала там конечно же что? Тёмную часть его души, которая её снова резала и мучила.

И выход из этого был только один: о Нём не думать и Его не трогать. Оставить, в конце концов, человека в покое. Оля ведь тоже сверх всяких берегов доставала бедного Странника. А все Странники – Божии. И их тоже Господь как-то промыслительно защищает. От всяких Оль...

Эпилог

Как-то раз, когда Оля вновь перечитывала свои старые поэмы, посвящённые Страннику, Господь её позвал, и она с радостью оставила книжку и пошла на зов Божий... Надеюсь, теперь навсегда...

Ольга Безденежных

Завтра сяду на диету

Завтра сяду на диету,
Чтобы быть с фигурой к лету:
Тридцать лишних килограммов!

Это вам не три, не пять!
Я минтай, морковь купила,
Травы в термос заварила.
Встану утром рано-рано,
Чтоб успеть поприседать.

Чтоб добро не пропадало,
Я доем сегодня сало,
Тут всего один кусочек,
Это ж просто ерунда.

Макароны, сыр, сосиски
Тоже съем я. Жизнь без риска!
(В холодильнике чтоб ночью
Не ждала меня еда).

...Нет, пожалуй завтра вряд ли
С пищей я сыграю в прятки:
У меня ж борща кастрюля,
И сметана, и рулет.
Я худеть попозже стану,
Разработаю программу,
Точно буду вся к июлю,
Как обтянутый скелет.

...Миновало три недели,
Мы с котом еду всю съели.

Я, уверенно прикинув, то,
Что время подошло,
На просторах Интернета
Вдруг нашла «Экспресс-диету»,
Помогающую скинуть
Быстро двадцать пять кило!

Календарь перевернула,
И растерянно моргнула –
У подружки день рожденья!
Просто нет на это слов!
Ладно, я схожу к подружке,
Торт поем (не есть же сушки),
А потом без сожаленья
Жить продолжу без жиров.
...В общем, наступило лето,
Но моя «Экспресс-диета»
Всё лежит под толстой книжкой
Под названием «Как худеть».
Я, наверно, не готова,
Надо попытаться снова,
И, не набивая шишек,
Свой режим пересмотреть.

Вот из отпуска приеду,
Сразу... свадьба у соседа,
После – юбилей конторы,
А потом уж новый год...
Но я знаю, точно...к маю
Всех вокруг поудивляю!
Задушу в себе обжору!
...Кто худел, меня поймёт.

Танго с Вахтангом

Игнат был похож на Вахтанга Кикабидзе. Конечно, не так сильно, что это бросалось в глаза. Но если увеличить растительность на макушке, отрастить лёгкую небритость на щеках, чуть уменьшить нос и изменить цвет глаз, то очень даже в темноте... А для пущего сходства, ещё бы надеть дублёнку, убрать веснушки и

придать коже смуглый оттенок. Короче, при желании, можно было бы его считать похожим, о чём Галя воодушевлённо делилась по телефону с подружкой Веркой. Им обоим страшно хотелось замуж, причём каждая норвила выскочить первой, и сегодня Галина хвасталась, ничуть не скрывая превосходства, что познакомилась с Игнатом, похожим на Вахтанга Кикабидзе, шофёром такси, примерно лет двадцати восьми. Если честно, Игнат был возраста неопределенного, где-то примерно от двадцати восьми до сорока пяти, но Галке хотелось уколоть приятельницу молодостью ухажёра, поэтому она назвала наименьшую предполагаемую цифру.

Стрелки на часах показывали половину шестого, Галина торопливо подвела разговор к завершению, обещав потом всё рассказать, и на свадьбу пригласить.

Вечер только начинался. Вечер обещал подарить встречу с «Кикабидзе», и Галя мечтательно вздохнула. Сама она при знакомстве с мужчинами представлялась, как «Гала», поясняя что-то там про Дали, что это такой художник был, часы он рисовал, которые плавают и текут, и усы у него были прикольные, а жену его звали Галой.

Галя – Гала была похожа на Шарон Стоун. Ну, если, конечно сбросить килограммов тридцать, перекрасить волосы из рыжего в белый, да и зубы не мешало бы подлечить. Гале – Галке стукнуло тридцать шесть, ей страшно хотелось замуж, но как назло никто не предлагал. Она пробовала разные варианты обольщения кандидатов в мужья – и через желудок, и через постель, и имеющимся интеллектом блистала, и дурочку разыгрывала из себя, и одевалась то в Барби, то в спортсменку... Но как говорила её бывшая тренерша по фитнесу «Безрезультатно!» Галка ненавидела эту тренершу, потому что целый год напрасно проходила на занятия: вокруг все худели, одна она оставалась, по определению подружки Верки, «толстозадой коротконогой табуреткой». На претензии, что зря ей платят деньги, тренерша ответила грубо и безжалостно: «Милочка, пока вы едите вечерами, всё безрезультатно!»

Но как же не есть вечерами?! Галка так любила готовить, что у неё всегда на плите или в холодильнике стояла вкуснятина. И она, закончив тренировку, укладывала в стиральную машинку спортивную форму, после чего с упоением наворачивала борщ со сметаной, ела пиццу, и запивала всё это чаем с вареньем. Правда, встретился как-то в её жизни такой субъект, которому это все нравилось. Звали его Жорик, он любил вечером пожрать поплотнее, завалиться на диван с пивком и смотреть боевики. Но Галке от него нужно было внимание, добрые слова, потомство в конце концов, которое Жорик, лениво похрустывая чипсами, делать абсолютно не стремился. И Жорик в итоге свалил из квартиры Гали, оставив продавленность в диване и след печали в её ранимой душе.

Сегодня Галя решила быть в образе красотки-стюардессы: не стёрся ещё в её памяти Вахтанг – Мимино с его сексуальной фразой: «Ларису Ивановну хочу!»

Галя отгладила белую батистовую кофточку, достала бежевый костюм, бежевые полусапожки на шпильках и коричневые колготки. Померила всё и решила вместо колготок надеть чёрные чулки в сеточку, решив, что: во-первых это сексуальнее, а во-вторых ноги в чёрном будут казаться тоньше. Юбка обтянула круглый зад «потенциальной невесты Вахтанга К», от чего Галя понравилась себе ещё больше. Заправив волосы за уши и надев ободок с прикрепленной маленькой зелёной шляпкой, Галя обильно надушилась туалетной водой из пузатого флакончика, накрасила веки, губы, потом щёки, потом брови, и поняла, что готова.

Обольстительница медленно прошлась перед зеркалом, нагнулась, чтобы проверить, не лопнет ли юбка, и услышала, как что-то упало и покатилося. Через мгновение она поняла, что это отлетела пуговица от блузки. Теперь грудь, выпирающая из цветастого лифчика, нагло торчала из пиджака. Галя заметалась в поисках решения: на дорогу пришивать – плохая примета, а другой блузки белого цвета у неё нет. Как быть? Вспомнила, что если пришивать на себе, прикусив язык, то примета не сбудется. Кое-как пришила эту проклятую пуговицу и заспешила к дверям. Внизу уже стояла машина с шашечками на боку. Игнат – Вахтанг распахнул дверцу, и Галя как можно элегантнее опустилась на сиденье. Машина тяжело покачнулась и выехала со двора. Покатавшись по городу, Вахтанг – Игнат предложил продолжить вечер в «царской» обстановке. После того, как он поставил авто на стоянку, они направились в ближайшее кафе «Царица».

В полуподвальном помещении было накурено и воняло кислыми щами, но зато было тепло. Сразу определились, что взять надо водочки и селедочку «под шубой». После употребления беленькой воздух стал казаться не таким спёртым, а может и вправду где то открыли окно, так как пепел с сигареты Игната постоянно залетал прямо в рюмку к Галке и в её левый глаз. Но она не обращала внимания на такие мелочи. Тем более теперь, в полутёмном зале, Игнат стал ещё больше похож на Вахтанга Кикабидзе.

Пытаясь перекричать орущий шансон, Галка рассказывала Игнату про Дали, он ей поддакивал, подливал водки, приглашал танцевать. Сначала было очень весело, но потом Галя – Шарон Стоун случайно уронила свёклу с вилки прямо на грудь. Игнат сказал, что это ерунда, и предложил выпить за новую блузку, которую теперь ей придётся купить. «Невеста» жеманно надула губки, вопрошая, что разве не он ей теперь купит такую кофточку. Игнат ответил, что даже купит шубу, вот только сначала кредит выплатит, полученный три месяца назад с целью расплатиться за покорёженную «Ауди». Галка не знала, что круче – «Рено» Игната или помятая «Ауди», но спросить не успела, потому что включили танго. Только они начали танцевать, как у Галки отвалился каблук. Презрев аргентинскую мелодию, она попробовала отломать и второй, сняв сапог, но пока пыхтела, злополучная пуговица на блузке снова оторвалась, и Галя заметила, что на правой

пятке чулок порвался, а эта самая шершавая пятка, и не очень белая, торчит наружу. Увидев, что Игнат – Вахтанг стоит у дверей, она поспешно натянула, ставшие похожими на обувь Маленького Мука полусапожки без каблуков, и закрепила на груди блузку скрепкой, любезно протянутой официанткой.

На улице Галку развезло, она пыталась целоваться взасос, называя Игната исключительно Вахтангом, потом бежала за ним по улице. Но не догнала. Бросила вслед ему яблоко, прихваченное в кафе со стола, села на поребрик и хотела зареветь, но привалившись к заборчику палисадника, не удержала равновесия и повалилась на спину. Тщетно пытаясь подняться, не запачкавшись, она, матерясь, хваталась за изгородь, царапая ладони. Пришлось всё же встать на колени и только после этого у неё получилось выползти на дорогу, где она, наконец, сумела встать в рост. Доковыляв на бескаблучных подошвах до квартиры, Гала рухнула на диван, проспав без движения часа четыре. Проснувшись, она выпила полчайника воды, сняла блузку и позвонила Верке. Та трубку не взяла, и Галка отправила ей смс-ку: «Приметы сбываюца! Изза этой паршивой пуговитцы я потеряла моего Вахтанга!!!(((»

Потом подумала и дописала: «Он всёравно мне не пондравился».

Дмитрий Березной

Лирическое

Полетели в мой мир, я тебе покажу,
Как умею быть сильным и властным,
Как по скверам тенистым частенько брожу
И умею быть нежным и страстным.

Там на каждом шагу бьют фонтаны стихов,
Из души, для тебя любимой.
Хоть весь мир обойди – ты не встретишь врагов,
Обещаю, что даже мнимых.

Там ещё есть река, что за сквером течёт,
А вода в ней, как день голубая.
По реке той кораблик из детства плывёт,
О печалях и о бедах не зная.

Впереди водопад, вот и ветер штормит,
Круто вздыбились волны под килем.
Но кораблик готовится к бою, кряхтит
Эта схватка ему не по силам.

Вдруг пиратский фрегат настигает его,
И наносит удар прямо с ходу.
И таранит и ранит беднягу того,
И кораблик идёт под воду.

Не в реке он уже, а в пучине морской,
Всё за жизнь свою бьётся смело
Черепастой удача, вдруг, стала и злой,
Не на шутку кораблик задело.

И никто за него не отважится в бой,
Он один в этой схватке жестокой.
Но готов он сражаться сейчас ради той:
Самой нежной, любимой, далёкой!

Улыбка в кармане

Ранним летним утром, пока ещё солнце не накалило воздух и на улицах стояла лёгкая прохлада, я прогуливался по парку, наслаждаясь тишиной и красотой утреннего пейзажа. Аккуратные парковые дорожки, размотанные невидимым клубком, как «нити Ариадны», тянулись по зелёной траве, образуя лабиринты, заманивая потеряться в них до вечера, забываясь от городской суеты, оставляя её перед воротами парка. Фигуры неведомых зверей, будто ожившие от взмаха волшебных садовых ножниц, державшие в лапах кто большой гриб, под которым стояли скамеечки, а кто деревянные дощечки, указывавшие на танцующие фонтаны, растянулись по периметру парка.

Деревья, приветствуя меня в столь ранний час, шелестели листьями и о чём-то шептались. Тут я должен открыть вам маленькую тайну, если хорошенько прислушаться к природе и понять её язык, то она может о многом поведать. И когда я в очередной раз иду на прогулку, уже знаю, что сегодня меня снова ждёт необычная история. А теперь я обещаю больше не отвлекаться и продолжу рассказ. Итак, я подслушал их беседу:

– Мои бедные листочки больше не вынесут зноя. Мы все скоро зачухнем без дождя, – встревожено говорила одна берёза другой.

– А мои корни выпили всю влагу из земли и уже высыхают. Ах, я умираю, – жаловалась вторая. – Это случилось, потому что обидели маленькую Лялю. И малышка грустит дни напролёт, а мы все страдаем от этого, – сказала стоявшая рядом старая сосна.

– Но ещё грустнее видеть, как папа с мамой вот уже вторую неделю гуляют по парку мрачнее тучи и не знают, как развеселить Лялю. И на лошадке катали, и на танцующие фонтаны смотрели, а она даже не улыбнётся, – не успокаивалась берёзка.

– Да, когда Ляле плохо, даже каменное сердце не останется равнодушным, – пробасил, лежавший под берёзой большой камень. И все деревья в парке зашелестели своими листочками.

Вдруг подул ветер и сдул с головы панаму. Я нагнулся, чтобы её поднять и случайно дотронулся до той самой плачущей берёзы. Я будто бы пропустил через себя всю боль и ужас этого бедного деревца. Казалось, что все деревья, каждая травинка в этот миг молила меня о помощи. Тогда я решил во что бы то ни стало помочь маленькой Ляле. Но как и где её найти? Я стоял и от бессилия сжимал кулаки, но на ум ничего не приходило. Вдруг на моё плечо упала шишка. От неожиданности я обернулся и заметил, как маленький, пушистый зверёк, цепляясь за веточки, ловко спрыгнул с дерева, но не найдя шишки, быстро поспешил обратно. А в это время по парковой дорожке проходила маленькая девочка и держала в кулачке мороженое. Оно быстро таяло и капало на горячий асфальт, но девочка даже не смотрела на него, а думала о чём-то грустном. Мне даже показалось, что она вот-вот заплачет.

– Может быть, она заблудилась и поэтому такая печальная? – не успел я задать себе вопрос, как вдруг малышку окликнули по имени. Это были её родители, но девочка даже не оглянулась. И тогда я понял, что эта та самая Ляля, про которую шептались деревья. Я сразу же подошёл к девочке и спросил, почему она такая грустная и не идёт к папе с мамой? Малышка сказала, что у неё разболелась голова от надоедливого солнца. Но я по глазам видел, что девочка не всё договаривает.

– Может тебя кто-то обидел? – спросил я у Ляли, но ответа не услышал. После небольшой паузы девочка спросила, как меня зовут. Я сказал, что волшебник и дарю всем грустным девочкам и мальчикам улыбки, потом улыбнулся и угостил Лялю конфетой. Девочка пристально посмотрела на меня и спросила не по-детски серьёзно, умею ли я хранить тайну?

– Могила! – подыгрывая Ляле, ответил я. Тогда девочка рассказала, что её отругал папа за то, что она громко смеялась и мешала ему отдыхать после работы. И с тех пор малышка дала себе слово больше никогда не улыбаться и не разговаривать с ним. Выслушав Лялю, я объяснил, что папа не со зла и любит её и что девочке нужно помириться с папой, потому что от этого страдают все. Но всё

было напрасно, Ляля не хотела меня слушать, а чем больше я пытался её успокоить, тем сильнее она всхлипывала, вспоминая былую обиду, и в любую минуту могла разреваться. Тогда я подошёл к ней ближе и дотронулся рукой до её кармана. Она спросила, зачем я это сделал?

– Теперь у тебя есть волшебный карман, и ты можешь из него достать улыбку, – объяснил я.

– Но там ничего нет, кроме зелёной пуговицы, которую мама обещала мне пришить, когда мы вернёмся домой, – возразила девочка. – Ты уверена, что ничего? – с удивлением спросил я, и засунув руку в карман, сжал в кулак, а вынимая его, быстро приложил ко рту. Ляля пристально смотрела на меня в ожидании чуда. Я улыбнулся.

– Попробуй, не бойся, у тебя всё получится, Ляля, – загадочно, почти шёпотом сказал я. Она с нетерпением засунула руку в карман, также быстро вытащила маленький кулачок и поднесла ко рту, улыбка светилась на её маленьком личике.

– Настоящий волшебник! – обрадовалась Ляля, и подпрыгивая, звонко засмеялась. И было в этом смехе что-то очень искреннее, как будто из-под земли забил ключ с родниковой водой. Я стоял и смотрел на Лялю и смог бы простоять так целую вечность. Вдруг солнце скрылось за тучами и молнии засверкали короткими вспышками, воздух стал крут и вязок. Тучи гигантскими шарами нависли над нами. Стоило лишь поднести булавку и небо взорвалось бы, разлетевшись на миллионы клочков. Но что-то не давало этому свершиться. Тогда Ляля подбежала к родителям, и радостно закричав: «Папочка, папочка, прости меня!», – крепко обняла его ногу. Он на радостях обнял их обеих и сказал, что давно не сердится и поцеловал малышку в лобик. И долгожданный ливень хлынул на землю. Некоторое время передо мной стояло всё как в тумане. Каждая травинка, каждый жучок не остались без внимания и вдоволь плескались в лужах. Когда ливень закончился и одежда надёжно прилипла к моему телу, а ноги в кроссовках стали предательски хлюпать, Ляля с родителями были уже далеко. Я последовал их примеру, и поймав себя на слове, что теперь без зонтика не выйду даже на балкон, медленно пошёл вперёд.

...я верю, что ни одна из вершин не стоит человеческой жизни.

Надав Бен Иегуда

У альпинистов кодекс чести свой.
На высоте поддержки ждать не стоит.
И путь к вершине – здесь он только твой,
Ты здесь один и в радости, и в горе.

Мороз. И воздуха почти что нет.
Здесь каждый шаг даётся через силу.
Вдали – вершины в дымке силуэт,
Что многих альпинистов свёл в могилу...

Не все и в этот раз дойдут наверх,
Не все спуститься смогут, обессилев.
И станет Эверест приютом тех,
Кто не увидит больше лица милых.

Он шёл и шёл, уже совсем чуть-чуть
До столь желанной цели оставалось,
Но вдруг прервал свой восхожденья путь –
Судьба товарища из лагеря решалась.

И он пошёл назад, и взял того,
Кто умирал без маски кислородной,
И долго на себе нёс вниз его
В суровейших условиях погодных.

Всё получилось. Оба живы. Но...
Он не дошёл, не покорил... И всё же
Сказал он журналистам лишь одно:
«Всех восхождений в мире жизнь дороже!»

*Надав Бен Иегуда – профессиональный израильский альпинист. Во время своего восхождения на Эверест в 2012 году, находясь на расстоянии 300 метров от вершины, он отказался от дальнейшего подъёма и повернул назад ради спасения погибавшего турецкого альпиниста Айдына Ирмака.

Зима

Есть две сестры:
Метель и вьюга.
Зима – их мать,
И им подруга.
Она рисует на природе,
Она пейзажи создаёт.
Ей краской служит лучик света,
И на реке искристый лёд.
Есть у зимы два друга, схожи:
Мороз ей друг и Иней тоже,
Они искусные поэты.
Стихи на стёклах, письма эти,
Никто не может прочитать...
И распознать их невозможно!
И только детям их понять,
Увы, ни капельки не сложно.
Они умеют прояснять!
Своими детскими глазами!
И говорят они нам то,
Что там, на стёклах прочитали.
А вы смеётесь им же вслед...
До «чепухи» же, нет вам дела.
И детям не понять ответ –
Что «нет такого», «это ж бред»
И чувства молодые те,
В глазах невинных исчезают...
А в затуманенных мечтах,
Они навеки пропадают...

Бессмертный полк

Проплывает бессмертный полк...
Ноет сердце, хоть волком вой.
Всё казалось, что выйдет срок,
Эта боль зарастёт травой.

Много лет мы искали след,
Наша бабушка так ждала...
Мы нашли, где погиб наш дед.
Жаль, бабуля уже ушла...

Самой горькою из потерь,
Унеся клад неспетых нот
И надежду, что вот теперь
Этот камень с души спадёт.

Проплывает бессмертный полк...
Рядом движутся в том строю
Тот, кто выжил и кто не смог
В том решающем их бою.

Тот, кто яростно брал Берлин
И кто без вести гнил в плену.
Все равны здесь. И как один
Нам кричат: «Не забудь войну!»

Их глаза смотрят вглубь меня,
Словно Совесть сошла с небес.
Крепче танков любых броня
Этих строгих портретов лес.

Жаль, что дед не оставил нам
Фотографии ни одной.
Помешала ему война
Сняться с сыном своим, с женой.

Я б хранила его портрет,
Как бесценный для сердца клад.
Рассказала бы, сколько лет
Мы не знали координат.

Рассказала бы, как прожил
Без отца непутёвый сын.
Он без подлости жил и лжи,
Говоря до своих седин:

«Эх, вот был бы со мной отец, –
Не сломала бы эта жизнь!»
Может там их связал Творец,
Над полями созревшей ржи...

Полк бессмертный – Земли набат
Словно все журавли с небес
Превратились опять в солдат,
О которых нам пел Бернес.

Чтоб страну не разграбить в хлам,
Не отдать на бесчестный торг,
Чтобы память не стёрли нам
Проплывает бессмертный полк...

Владимир Данилов

Остров

Детство – счастливая пора. Особенно это относится к летнему периоду, когда не надо ходить в школу, работы по дому мало, и с одеждой нет проблем. В деревне Нижний Шежам, где рос Виктор, послевоенное поколение ребятни было многочисленным, по 3-4 ребенка в семье считалось минимумом. Как потом предположил Виктор, души погибших на войне солдат быстро перевоплощались. До семи лет ему часто снилось, как он погибал то под танком, то при налёте самолётов.

Каждое лето ребята делали вылазку на Остров. Это было прекрасное место, где можно было вдоволь позагорать, покупаться и получить удовольствие от рыбалки, и всё это вдалеке от родителей. Собирались, как правило, гуртом, по три-

четыре лодки и даже больше. Брали с собой еды на три дня. Еда была простая, так как все в основном жили бедно. Как раз шло к закату «хрущевское» правление, но за хлебом и сахаром всё ещё были очереди. Поэтому рыба была основной едой.

Чтобы попасть на Остров, надо было спуститься на лодках вниз по речке Шежамке около 1 км до впадения её в реку Вычегду, и затем подняться по ней до острова вверх по течению почти 2 км. Течение было сильное, поэтому шли бечевой, обычно один тащил лодку за веревку, а второй отталкивал нос её от берега. По пути пробовали на спиннинг щуку, выискивали в затонувшем дёрне миног для ловли стерляди. В хорошую погоду время пути до Острова занимало не более двух часов.

В этот раз собрались Туркины, Чукичевы, Богословские и Виктор со своим старшим братом Алексеем. Был и Витька Германов, хотя и не местный, но живший у тётки и учившийся в Айкинской школе. Накопали червей, собрали нехитрые пожитки и проторенным путём добрались до Острова. Остров представлял собой отрезанную небольшой протокой от основного русла реки часть заливаемой песчаной суши высотой в первую надпойменную террасу, заросшую частым ивняком. Протока в самый межень пересыхала, и Остров превращался в полуостров.

Добравшись до Острова, разбили бивуак, собрали ивовый сушняк для костра и занялись рыбалкой. В первую очередь закинули донки, которые всегда приносили ершей и окуней для ухи, затем занялись продольниками. Для этого надо было подняться немного выше по течению и установить их ближе к фарватеру, но между бакенами и берегом, чтобы их не сорвало плотами, которые периодически сплавлялись по реке, буксируемые катерами. Закончив с этими делами, развлекались, купались и ловили рыбу на удочки.

Что может быть лучше, чем это чувство безмятежной свободы, когда ты в одних трусах, под палящим солнцем купаешься, загораешь. Кожа уже давно покрыта коричневато-серым загаром с белым пушком от линяющей кожи. Никто тобой не командует, сам себе хозяин. Раз в четыре часа отвлекаешься на проверку продольников, и снова свободен. По необходимости отвлекаешься на еду, готовкой которой занимались старшие, не допуская мелюзгу до этого священнодействия.

К вечеру все успокаивались, даже река меняла свою дневную рябь на гладкое зеркало, в котором отражались все краски уходящего дня. На ночь разжигали большой костёр, после ужина все собирались слушать очередные страшные истории, которые очень красочно рассказывал Витька Германов. Ребята очень любили слушать пересказ рассказов и повестей Конан Дойля – «Пеструю ленту», «Собаку Баскервилей» и другие. Но иногда Витька пересказывал жуткие истории, видимо слышанные от взрослых, про людоедов военной поры, как они ловили людей и перерабатывали их на мясо и мыло. От этих рассказов ребята жались друг к другу и тесней сдвигались к костру, словно спиной чуя приближающуюся опасность из сгущающейся вокруг костра темноты.

Замечая, что младшие начинают клевать носом, сидение у костра постепенно заканчивалось. Старшие располагались на ночь подальше от костра, завернувшись в телогрейки, а младшие – поближе к костру, к теплу. Постепенно всё утихало, и только редкие всплески жирующей щуки, или шелест пролетающих ночных птиц нарушали покой. Летние ночи короткие, не успеешь заснуть, а тут уже первые лучи солнца начинают щекотать твои веки, к ним подключается всё усиливающее чириканье птиц.

Старшие просыпались первые, умывались, и, не завтракая, проверяли снасти. Как правило, ночной улов был самый богатый. По возвращению они будили малышей и долго над ними хохотали. Дело в том, что вслед за остывающим костром и золой, малышня старалась во сне ползти к теплу и под утро оказывались почти в центре бывшего костра, измазывалась золой и выглядели соответственно. Приходилось, ёжась от утренней прохлады заходить в ещё не прогретую реку и смывать с себя эту золу. Благо, зола сама является щелоком, и в какой-то мере заменяет мыло.

После завтрака начинался очередной день. Виктор старался помогать старшим по мере возможности, но в основном ему и остальным малышам доставалась чистка рыбы, проверка донок и игры. Сам остров не представлял интереса, так как на нём росла только красная смородина, но сезон сбора ещё не наступил. Черёмуха, которой был богат луг за островом, тоже была ещё зелёной, только начинала краснеть. Так что один день был похож на другой. Так, в играх и ловле рыбы пролетели все три дня.

В обед третьего дня доели последний хлеб. Но возвращаться домой никому не хотелось, рыба шла, погода также радовала своей безоблачностью – живи и радуйся. Но кушать хотелось всем. Сначала и, на первый взгляд, довольно логичное, поступило предложение от Кольки Туркина, самого младшего из них.

– А может кому-нибудь сбегать через луга и принести хлеб?

– А деньги откуда взять? – резонно похоронил предложение Кольки Витька Германов.

– А может из дома? – неуверенно предложил Женька Чукичев.

Все молчали, представляя, как и у кого из родителей будет просить хлеб посланец. Днём у всех родители на работе, а ходить вечером по домам? Да и кто даст? С хлебом было не просто.

– А давай птиц половим! – предложил Шурик Чукичев, одноклассник старшего брата Виктора. Мясо даже сытнее хлеба.

Птиц действительно было вокруг много. Правда, большие старались сторониться людей, но трясогузки всюду прыгали у кромки воды, дирижируя своими хвостами.

– Хорошо, у кого есть рогатки, попробуйте подбить несколько штук, – подвёл черту Витька Германов.

Что за вопрос? У какого пацана нет рогатки? Рогатки делали разные, от простых, из алюминиевой проволоки, до добротных, из дерева с крепкой резиной, которую достать было очень трудно.

Вся малышня полезла в свои торбы, вооружилась и разбрелась по берегу в надежде подстрелить дичь и накормить братву. Оказалось, что это не так просто. Птицы как будто чувствовали, что за ними началась охота и близко не подпускали. Приходилось залезать наверх, на заросшую густым ивняком террасу и оттуда высматривать трясогузок. Надежды поймать птиц покрупнее никто не питал. Удача улыбнулась Женьке Чукичеву, который радостно прибежал к костру, неся в руке маленькое пушистое тельце.

– Ну, кто будет чистить? – спросил Витька Германов?

Все стояли молча, смотрели на маленькое, ещё теплое тельце и ни у кого не возникало желания резать его. Пауза затянулась, которую прервал Шурик Богословский.

– Давай похороним её.

Никто не стал возражать. Шурик взял птицу из рук Женьки Чукичева, и они с Виктором полезли на террасу, где палками выкопали небольшую ямку и похоронили трясогузку. Из веточек сделали крест, тут была хоть какая-то надежда, что не так скоро размозит могилу.

К вечеру собрали все снасти, молча уложили в лодки и поплыли вниз по течению Вычегды домой. И хотя путь назад был лёгкий, но веселья не чувствовалось.

.....
Наталья Заварзина
.....

Малиновый звон

Эсэмэски, как птицы, живут в телефоне.
С ними время хранит краски мыслей друзей.
И в домашней тиши, и на ветренном склоне
Мне отчётливо слышно дыхание дней.

Узнаваемы чувства за краткостью фразы,
Различимы оттенки родных голосов.
Эсэмэски порой заменяют мне паззлы
Там, где прошлое скрылось за плотный покров.

Я люблю перечитывать весточки-крохи,
Оживляя минувшего слёзы и свет.
Оттого на лугу в зной цветы не засохли,
Что роса выпадает, встречая рассвет.

Не браните меня за невинную склонность
К перебору открытых когда-то картин,
Внемля звукам, летящим с неведомых звонниц,
Я спасаюсь ночами от хмарей кручин.

Приникаю, мой друг, и к твоим эсэмэскам.
Верю, ёмкость их слов сохранит телефон.
И притихшая грусть вострепнётся от всплеска,
И мелькнёт сквозь сирень тот – малиновый – звон...

.....
Дмитрий Зеленцов
.....

Признание любимой

Важно нежность, тепло и заботу дарить,
Для людей, кто дороже Небесного сада!
Можно душу продать... Но, тогда как любить?
Лишь любимых терзать, словно узников ада.

Помню день, как впервые тебя повстречал.
Помню, как меня чувства накрыли волною.
Словно яростный шторм налетел на причал,
Ты меня поразила, своей красотой!

О прекраснейший ангел, ты светоч небес!
Каждый год для тебя расцветают сирени.
Не найдётся на свете красивей принцесс,
Пред которыми все преклоняют колени.

Буду глаз не смыкая, смотреть на тебя,
И твой голос расслышу сквозь рёв водопада!
Нежный образ, столь бережно в сердце храня,
Как реликвию самого ценного клада!

Спешу домой

Кругом дождей печальных слякоть,
Осенних будней жуткий плен.
Катилось солнышко на запад,
Метались струи с крыш у стен.

Сырое утро, день сырой и вечер...
Асфальт блестит холодным рукавом.
Под зонтик рвётся забияка ветер.
И осени не справиться с дождём.

Автомобилей фары освещают лужи.
Стал тенью парапет у лестницы глухой,
А впереди – подъём. Ступеньки стали уже.
Там ждут меня. Спешу, спешу домой.

Ночное

Город опутали снежные вихри –
Вьюга по улицам бродит пустым.
Люди в домах затаились, притихли,
Перед знамением страшным, ночным.

Небо затянуто призрачным дымом,
Звёзды погасли в полуночный час.
Словно пожары в далёком, незримом
Разом зажглись, дотянулись до нас.

Топот копыт, будто в город ворвался,
Дикие визги и пение стрел.
Колокол вдруг вечеровой закачался
Грозным набатом в ночи загудел.

Рвётся февраль сильной, яростной птицей
В чёрные стёкла оконных глазниц.
Кажется, что то вот-вот и случится,
Выйдет за рамки разумных границ.

Сердце мечтает о лучике света,
Бьётся и бьётся устало в груди.
Хрупкое, лёгкое, тёплое лето
Где то ещё лишь в начале пути...

Виктор Киржаев

Деревья

Мне бы надо вставать до рассвета,
Но я только к обеду встаю.
Здесь деревья и в зиму, и в лето,
Охраняют избушку мою.

Хоть в зелёном, хоть в белом наряде
От деревьев покой и уют.
Птицы в этой ажурной ограде,
Круглый год и свистят, и поют.

Мне дарили берёзы и ели
Ароматов своих колдовство.
Надо мной деликатно шумели,
Находя между нами родство.

Я, здороваясь, трогаю ветки
И надёжные глажу стволы.
Жили долго их древние предки,
Не боясь топора и пилы.

Но однажды придут дровосеки
И прольют они сок и смолу.
И замолкнут деревья навеки,

Не умея противиться злу.

А когда это всё же случится,
На прощанье деревьям махну.
Поднимусь я над ними, как птица
И к заоблачной стае примкну.

.....
Максим Король
.....

Звёзды помнят всё

Посмотрю я на звёзды холодно-далёкие,
Что тихо мерцают в густой темноте
Словно бы россыпи выбитых стёкол,
Лежащих на угольной чёрной плите.

Они мне напомнят не словом, а чувством
О тайне осевшей в застенках души:
Я вспомню глаза твои полные грусти,
Полные странной, немой тишины,

Вспомню твой образ по-детски наивный,
Взгляд полусонный на невскую рябь,
Дрожащие листья на парковых ивах,
Вечер окутанный мглой сентября,

Город в хрустальных осколках полночи,
Сырость дворов, слабый свет фонаря,
И яркие звёзды, что с неба пророчили
Правду о том, что люблю я тебя.

Июнь

Июнь. И стоя на балконе
Смотрю я в даль и кофе пью.
Там лес стоит в зелёном капюшоне,
Люблю природу я, и Родину люблю.
Здесь в городе живём мы без заботы,
Вот в деревнях уж сенокос,
А на лугах такие там красоты,
Журчание реки, полёт стрекоз.
Жара. И что-то мне не спится,
В кроватях «носики» сопят.
Тут небо вдруг внезапно заискрится
И грохнул сильно громовой раскат.
Я жду, что дождь вот-вот нагрянет,
На небе радуга внезапно ожила,
Дождь ловко по балкону барабанит,
Я кофе пью, а льёт как из ведра.
Симфонию дождя люблю я созерцать,
Люблю я босоногим по росе
Бежать. Люблю вино! Чего тут отрицать,
И снова радуюсь я северной весне.
Люблю восход встречать на речке,
Минуя ночь не сомкнутых очей,
Весёлый треск в гудящей печке
И месяц белых Пушкинских ночей.

Тропинка к Богу и к себе

Как часто знаменательное для всей последующей жизни событие происходит вдруг, совершенно неожиданно для тебя.

На майские праздники моя супруга предложила съездить в Кылтовский женский монастырь. Ехать никуда не хотелось, однако внутри что-то защемило, я каким-то шестым чувством понял, что не стоит отказываться от этой поездки.

Почему оно, это чувство возникло, мне трудно объяснить, однако с некоторых пор я твёрдо усвоил, что не стоит пренебрегать такими посылами души. Немного смущал довольно неблизкий путь – 200 с лишним километров по разбитой за зиму дороге.

Ночью выпал снег, подморозило. Из окна квартиры было видно, как владельцы очищали от снега автомобили, стоявшие во дворе. «А может отложить поездку?» – прокралась малодушная мысль, однако я решительно отогнал её прочь. К тому же на улице стремительно теплеет. Столбик термометра с минус 2-х градусов за какой-то час поднялся до 0. Гололёда на трассе быть не должно, однако совершенно не радовала пасмурная погода. Низко плывущие тучи навевали тоску и словно говорили о том, что возможные погодные неприятности ещё впереди. Выехали мы с супругой в 9 часов утра. Мерно, еле слышно работал двигатель нашего авто, негромко играла музыка в салоне, подвеска чутко реагировала на каждую ямку на залатанной, подобно тришкиному кафтану, дороге. За окном по-прежнему пасмурно, моросил дождик, сильные порывы ветра чуть раскачивали несущуюся по трассе машину.

К Серёгово подъехали к 12 часам, впереди показалась часовенка и знак, указывающий отворот к Кылтовскому Крестовоздвиженскому монастырю. Проехать осталось совсем немного, четырнадцать километров по асфальтовой дороге, проложенной в доперестроечные времена, и не убитой ещё лесорубами, варварски вырубающими лес в заповедной зоне. Две делянки попались нам по дороге, и на душе сразу стало как-то беспокойно и грустно, от вида обезображенной земли и вывороченных корней беззащитных деревьев. Нет порядка на нашей земле, временщики и безбожники творят беспредел в моём Отечестве, превращая в пустыню всё, к чему они прикоснутся.

Лес по краям дороги стоял нагой, соки жизни ещё не устремились вверх по стволам деревьев, почки не набухли нежной светло-зеленой клейковиной. Природа словно замерла, готовясь к переменам. Есть у неё такой маленький промежуток времени, когда зима почти ушла, но снег ещё лежит крупнозернистыми проплешинами в оврагах, да по берегам ручьёв и речушек, а весна пока не вступила

в свои права, и окружающее пространство окрашено преимущественно в серые оттенки. Земля, как роженица, несёт в себе прекрасный плод, готовясь к величайшему таинству рождения нового мира, когда за считанные дни, а то и часы, вдруг, все изменится, поменяются тона и полутона красок и преимущественно заунывный серый цвет украсится брызгами изумрудной зелени с островками жёлтых лучиков самых ранних соцветий мать-и-мачехи, захватывающими все большее пространство окружающего мира.

Неузнаваемо изменится и полупрозрачный лес, просматриваемый насквозь, он вдруг словно распушится, станет ярче, веселее, девственная поросль первых деточек-листочков сотворит удивительное по красоте покрывало, так радующее глаз, после грязно блеклых красок уходящей зимы. Вот оно торжество жизни, извечная победа добра над злом, Воскресение после смерти!

Быстро струился узенький ручеек асфальта, мелькали километровые столбы, и захотелось мне вдруг не на машине, а пешочком, да с рюкзаком, пройтись по этой дорожке, чтобы было время поразмыслить о бренности нашего земного бытия, оставшись наедине со своими думами. Увы, но не испытываешь ты той благодати от приближения к святыне, когда летишь к ней на железном коне, где-то прерывается та духовная связь, которая незримыми нитями связывает тебя с Господом.

Вот почему так дорог мне Великорецкий крестный ход. Тот заряд Божественной благодати, который ты получаешь в нем, пройдя от начала и до конца 150 километров намоленного за шесть столетий пути, незримо подпитывает тебя весь год, и живёшь ты, от крестного хода до крестного хода, первые полгода – воспоминаниями, вторые полгода – готовясь к новому походу на реку Великую, переписываясь и созваниваясь с друзьями-крестноходцами.

Наконец мы подъехали к цели нашего путешествия, впереди, в распадке, показался купол главного храма Кытловской обители. Медленно скатились с довольно внушительной горки к воротам, которые одиноко стоят при въезде на территорию монастыря. Ограды нет. Кругом тишина и запустение. Не видно ни жителей маленькой деревеньки, ни монахинь. К двенадцати часам все службы в монастыре уже закончены, местные жители обрядились и сидят по домам, прячась от непогоды. Не видно собак, которые обычно встречают незнакомца звонким любопытным лаем. Только большой рыжий кот плавно и важно прошествовал перед нами, направляясь по каким-то своим, одному ему ведомым делам.

Через плотное покрывало тучных серых облаков вдруг стали пробивать сначала робкие, затем все более настойчивые лучики яркого весеннего солнца, однако тепла не чувствовалось, холодный колючий ветер напоминал нам, что весна ещё не вступила окончательно в свои права.

Двери главного храма обители – собора Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев – оказались закрытыми. Обойдя вокруг культового сооружения, мы вернулись к старинному двухэтажному зданию, в котором располагались монашеские кельи, трапезная и тёплый храм. Там нас уже поджидала молодая монахиня Пина, которая проводила нас до собора. Служба в храме ведётся только в летнее время, поскольку он неотапливаемый. В церковные праздники в монастырь приезжают священники из близлежащей церкви в Серёгово или из Сыктывкара. Частенько навещает обитель и владыка Питирим.

Горестное запустение монастырской обители. Все строения старые, неухоженные, не хватает здесь крепкой хозяйственной мужской руки. Завхоз Володя, с которым мы успели познакомиться, явно не справляется с огромным ворохом проблем по обустройству монастырского подворья. Домики местных жителей вплотную жмутся к стенам храма, словно ищут у него защиты, как бы желая напитаться той благодатью, которая исходит от его мощных стен. Хотя, скорее всего, те, кто строил хатки в такой близости от собора, думали совсем не об этом, а о том, как бы побольше забрать пространства у духовной обители слуг Христовых – беззащитных монахинь, которые семь долгих лет противостояли богоборческой власти.

В конце концов монастырь закрыли, монахинь выгнали, а в храме устроили колонию для малолетних преступников. Прекрасный собор изуродовали до неузнаваемости, все внутреннее пространство перестроили, заполнив его небольшими клетушками-камерами в три этажа. Уничтожили уникальную систему отопления здания, залив бетоном воздуховоды, которые были устроены внутри толстенных двухметровых стен. Вентиляционные каналы в них были проложены таким образом, что достаточно было два раза в месяц протопить храм в холодное время, чтобы тепло внутри огромного помещения, а высота от пола до купола составляет 28 метров, сохранялось две недели.

Сейчас мы даже примерно не можем представить себе, насколько прекрасно было внутренне убранство церкви. По данным архивов НКВД, только золота и серебра из монастыря было вывезено не один десяток пудов. На главной святыне обители – Животворящем Кресте Господнем – помимо других украшений, в том числе и драгоценных камней, находилось 100 золотых роз. Колокол собора – благовест – был настолько велик, что им свободно можно было накрыть тройку лошадей. Куда делись колокола, до сих пор неизвестно. Игуменья Стефанида утверждает, что вывезти их красноармейцы не могли, вследствие огромных размеров, скорее всего, они спрятаны где-то на территории монастыря. Когда несколько лет назад военные «прозванивали» миноискателем останки разрушенной колокольни, они наткнулись на несколько участков, где прибор показывал наличие большого количества серебра и меди под землёй.

Каждый верующий приходит в церковь своей тропиночкой. Так и в Крестовоздвиженский монастырь люди приезжают по разным причинам. Но главное, что неодолимо влечёт их сюда – это святыни монастыря, приложившись к которым и хотят они попросить у Господа помощи в делах, здоровья себе и своим близким. Поклониться чудодейственному Кресту Господнему, иконам Божией Матери – Феодоровской и «Нерушимая стена».

Игуменья Стефанида охотно рассказывает паломникам о том, как многие люди смогли получить по своей вере исцеление. Об этом не раз писала пресса. Неслучайно сюда стремятся и бездетные родители, и люди слабым зрением. Приезжают сюда и потрудиться. Ярко-синий купол с золотыми звёздами (до революции они были из драгоценного металла), который красуется над храмом, обновлён руками молодых трудников, помогающих обители. Здесь очень нужны помощники.

Как часто мы едем за тридевять земель, чтобы поклониться мощам или иконе того или иного святого, не зная, а порой и не желая знать, что православные святыни находятся у нас совсем рядом, в нескольких десятках или сотнях километров. И нужно сделать лишь небольшое усилие, чтобы по вере, по молитве обрести душевный покой и быть может исцеление, о котором столько просил.

.....
Анжелика Лудникова
.....

Случай

Светлана переминалась с ноги на ногу. Снова незаметно посмотрела на часы, уже 10.20. Такая важная, можно сказать, судьбоносная встреча будет в 11. Ей нельзя опоздать.

В церкви все ждали причастия. Но оказалось, что несколько человек попросились на исповедь, батюшка вышел. И тут откуда-то подтянулись ещё люди, которые пожелали исповедаться, и время пошло. Священник служил один. Но не будешь же отказывать людям в исповеди.

К этому дню Светлана готовилась. Попостилась, исповедалась накануне. Ей виделось, что она причастится, и это даст ей сил для важного разговора, и всё-всё пройдёт хорошо. Её, конечно же, возьмут на работу.

– Всё, пора, иначе мы не успеем, – сзади тихо подошёл муж.

– Ну, как же...

– Поедем. Завтра тоже будет Литургия.

Светлана с надеждой посмотрела в сторону священника. Но он ещё исповедовал, а двое прихожан стояли в очереди. Женщина перекрестилась, приложила к иконе на аналое, и быстро пошла за мужем.

На улице было ветрено. Светлана поневоле поёжилась. На душе было тревожно. Её мучила мысль, что она отложила причастие из-за какой-то работы. Но расстраивать мужа не хотелось, да и опаздывать на встречу с таким важным человеком было по меньшей мере некрасиво.

Потеря работы для неё была просто катастрофой. И сколько ни говорила себе, что нельзя себя накручивать, надо доверять Богу, Он всё управит самым лучшим образом, не помогало. Опять у неё появились обычные симптомы: дикая боль в желудке до головокружений и головная боль. Без таблетки из дома не выйдешь. Мысли о собственной ненужности, никчёмности стали одолевать её после похода по нескольким издательствам. Её, профессионала со стажем, брать не хотели. Ставок нет. Да мы сами еле-еле на зарплаты наскребаем. Подумаем, что можно предложить. Может корректором. Если наш приболеет.

И Светлана поняла, надо искать через хороших знакомых. И к счастью, такой нашёлся. Руководитель крупного НИИ, для которого когда-то делала несколько больших издательских проектов. Позвонила через приёмную, записалась. Владимир Михайлович не отказал, назначил встречу на выходной день, в будни времени не нашлось.

И в назначенный день, так и не дождавшись причастия, Светлана попала на приём к генеральному директору НИИ.

Ей всегда нравилась манера этого человека общаться с людьми. Наверное, поэтому он и смог достичь такого успеха не только для себя, но и для своего института. Выходец из простой семьи, он сделал приличную не только по советским, но и по современным меркам карьеру – научный сотрудник, заместитель, первый зам, генеральный директор. И с его приходом угасающее учреждение словно получило вторую жизнь. У НИИ появились заказы, начали открываться новые лаборатории, ветшающее здание преобразилось – всё сияет под мрамор, на стенах умопомрачительные интерактивные панели, непрерывно показывающие последние успешные разработки НИИ. И при всех внешних атрибутах успешности, сам он, понятное дело тоже был весьма обеспеченным и влиятельным в городе человеком. Он со всеми общался на равных. Уважительно. Он каким-то удивительным образом запоминал имена и, подходя к уборщице, дружески обращался по имени:

– Приветствую. Лидия Михайловна, как настроение?

В приёмной было непривычно тихо. Обычно тут постоянно встречаешь нескольких человек – строгую интеллигентную секретаршу, посетителей, помощников, забежавших проверить не подписаны ли документы. Несмотря на

субботный день, секретарь уже была на месте, в неизменно элегантном костюме и с искренне приветливой улыбкой:

– Владимир Михайлович вас ждёт.

Светлана прошла в кабинет. Здесь она была не раз. Обстановка не изменилась. Всё те же часы, тихо отбивающие ход времени, несколько дорогих сувениров из камня на рабочем столе. Кабинет можно было назвать аскетичным, особенно если знать, сколько средств на счету хозяина. Владимир Михайлович был без галстука, в простом красном джемпере. Вид у него был вполне радушный. Они всегда были в хороших отношениях, и ту работу, которую Светлана для института выполняла, ему нравилась. Понимать, чего на самом деле хочет заказчик – это был её конёк.

Но сегодня она пришла в необычной для себя роли – просительницы. И растерялась. Мысли путались.

Владимир Михайлович начал сам:

– Проходи. Присаживайся. Рассказывай. Что там у тебя стряслось?

Светлана мысленно посчитала про себя до трёх и начала рассказывать свою невесёлую историю. На самом деле, если посмотреть на ситуацию отстранённо, произошедшее – обычное дело. Как часто мы забываем сказки, которые нам читали в детстве. Например, про лису, которая попросилась к зайчику погреться и его из избёнки выгнала. Светлана взяла к себе в отдел молодую, подающую надежды сотрудницу. Работы в издательстве становилось всё больше и рук не хватало. Учитывая, какой доход их отдел приносил, ей дали добро на ещё одного сотрудника. Алла была способной, грамотной, с хорошим образованием, но найти постоянную работу из-за нехватки опыта пока ей не удавалось. Светлана порекомендовала девушку, её приняли в издательство и та сразу включилась в работу. Но спустя месяц Светлана почувствовала, что отношение директора к ней резко изменилось. Он всё чаще стал советоваться с Аллой, минуя её – начальника отдела. А когда Алле поручили руководить новым проектом, даже не посоветившись с ней, Светлана поняла, что нужно поговорить с директором.

На приём ей пришлось записаться. Теперь времени на неё у руководства не было. Когда она попала к директору, уже с первой минуты она поняла, что зря так настаивала на встрече. Обычно вежливый и улыбочивый начальник сухо поздоровался с ней. И тут же резко спросил:

– Ну что там у тебя? У меня мало времени.

И когда Светлана стала сбивчиво объяснять, что удивлена, что её сотруднице поручают проект, который она готовила сама, директор оборвал её:

– Послушай, мы все выполняем одно общее дело. Ты же сама хвалила Аллу за энергичность и высоко оценивала её способности. Надо давать дорогу молодым. Уверен. Она хорошо справится.

И Алла справилась. Конечно, не без помощи Светланы, ведь она не могла допустить, чтобы придуманный ею проект потерпел неудачу.

И когда всё удалось, и в свет вышел потрясающей красоты альбом о городе к его юбилею, на презентации все чествовали Аллу. Мэр города ей вручил огромный букет и поцеловал руку. Рядом стоял директор издательства и дружески обнимал её за талию.

На следующий день Светлане вручили уведомление о сокращении. Приказом директора отдел, который она создавала, был расформирован и учреждалась новая служба, в которую вошли сотрудники её отдела и рекламщики. Начальником назначили Аллу. Светлане места в новой службе не нашлось. Но ей милостиво позволили не сидеть два месяца в коридоре и предложили взять деньги сразу и уйти без лишнего шума.

Все эти тяжёлые дни её поддерживали муж и священник её прихода. Она не спала ночами, молилась, часто ходила в храм на службы. Но боль обиды стояла комом и никак не проходила. И когда она уже испробовала все официальные способы поиска работы – центр занятости, интернет и объявления в газетах, Светлана решила обратиться к Владимиру Михайловичу. Она знала, он часто помогал людям творческим в их бедах. Даже когда все от них отворачивались.

Генеральный директор НИИ слушал молча. Лишь в конце вставил:

– Вот стервецы. Ладно, не падай духом. Я тебя услышал. Оставь резюме секретарю. Мне надо подумать. Позвоню.

Светлана поняла, что аудиенция окончена и тепло попрощалась. Правда, облегчение не пришло. Сразу вспомнилось, что и на причастие не пошла и человека зря побеспокоила. Что у него забот других нет? Подумаешь, ты когда-то для него выпустила несколько книг.

Вечером Светлана снова читала правило ко Причастию, есть ничего не хотелось. А на следующий день, ранним утром поспешила в храм.

Настроение было повеселее, чем вчера. И хотя было прохладно, совсем не повесенному. Про себя напевала «Богородице Дево, радуйся». Светлана спешила. Хотелось прийти в церковь до звона колокола. Недаром говорят, что в этот момент в церковь входит Сама Богородица. Она почти не смотрела по сторонам. Но вдруг увидела впереди маленького мальчика, он играл почти рядом с дорогой. «Как странно, – подумала Светлана, – что ему делать так рано да ещё в такой опасной близости от машин».

Разгадка была простой, пешеходный переход находился рядом с детской поликлиникой, в трёх шагах в припаркованной машине что-то искала молодая женщина, да так сосредоточенно, что не увидела, что малыш вылез из машины и убежал. Светлана почему-то прибавила шагу и не зря. Буруз ничего не замечал

вокруг, явно увлечённый игрой, вдруг он резко толкнул машинку и та выехала на проезжую часть.

Словно вспышка света мелькнула в мозгу: «Так вот почему я сегодня здесь оказалась!» Светлана рванула к мальчику. Мать обернулась и громко закричала. Но она бы уже не успела. Малыш уже сделал два шажка за игрушкой, невесть откуда выехавшая машина была практически на пешеходном переходе, когда Светлана, словно фея, схватила мальчика и отпрыгнула на тротуар.

В ушах всё звенело, сердце колотилось как бешеное. Она словно оглохла. Автомобиль не остановился, на тротуаре стояла покалеченная машинка.

И тут пацан заревел. Подбежала мама, схватила его на руки. Она что-то говорила Светлане. Благодарила. Но та отстранилась, взглянула на часы, тихо сказала: «Я спешу» и побежала. Надо успеть в храм.

Всю дорогу до службы она шла и молилась. Её переполняла радость и благодарность. Ведь ей даже в голову не могло прийти вчера, что она не попадёт на причастие и это приведет её сегодня на эту дорогу к этому пешеходному переходу и мальчик останется жить.

Литургия прошла для неё на подъёме. И после причастия она почувствовала такое умиротворение, какого давно не испытывала. Обрати она решила тоже пройтись пешком. Хотелось подышать, подумать. Домой она пришла и радостно сказала мужу: «Христос воскрес!»

Утром её разбудил звонок. Она всю ночь читала книжку и разоспалась.

– Светлана Васильевна, здравствуйте, – услышала она вежливый женский голос.

– Да. Доброе утро.

– Вам звонят из отдела кадров института. Подходите сегодня с паспортом, документами об образовании в 116 кабинет.

– А зачем? – почему-то растерялась Светлана.

– Владимир Михайлович сказал, что Вас надо оформить сегодняшний днём, а документов надо заполнить немало.

– А на какую должность?

– Владимир Михайлович в своём репертуаре. Разве Вам не сказали, у нас появилась новая должность – заместителя генерального директора, за пиар будете отвечать. Адрес знаете?

Начало дня

Как чуден тихий час восхода!
Уже забрезжил в окнах свет.
И, радуясь его приходу,
Схожу с крыльца в сырой рассвет.

Из-за увала луч несмелый
Проник сквозь пену облаков
И, осветив макушки елей,
Их разбудил от сладких снов.

А на лугах – алмазов россыпь,
Здесь косари сойдутся в ряд,
И вновь отточенные косы
По сочным травам зазвенят.

Река журчит в седом тумане,
Спеша за новый поворот,
И под распевы пташек ранних
Над миром новый день встаёт...

Материнский инстинкт

Собака, не оглядываясь, бежала по колее, проложенной снегоходами. Сзади доносился зов хозяина: «Найда, вернись! Домой!» Этот окрик будто подстегнул собаку. Она побежала ещё быстрее, словно боялась, что её догонят и снова посадят на цепь. Сегодня утром разорвался старый ошейник, и она неожиданно оказалась на свободе. Она знала, куда и зачем бежит. Материнский инстинкт гнал собаку в соседнюю деревню, в которой остался её маленький щенок по кличке Северок.

Когда-то Иван подобрал Найду на дороге. Он отвёз погостивших в деревне детей к поезду и возвращался обратно. В зеркале заднего вида вдруг увидел, что за автомобилем кто-то бежит. Интересно, кто его так настойчиво преследует? Он остановился и открыл дверь. К машине подбежал щенок с обрывком верёвки на шее. Ему было от роду 4-5 месяцев. Глаз опытного охотника сразу выхватил внешнюю характеристику преследователя: слегка вытянутая мордочка, голубые глазёнки,

стоячие ушки, несколько широковатая грудка и хвостик колечком. По всем этим признакам и характерному окрасу Иван распознал в щенке охотничью породу хаски.

Непрошенный гость ловко прошмыгнул в машину и улёгся на заднем сидении. Глаза его тут же закрылись, и незваный пассажир заснул. Ведя машину, Иван размышлял: как мог оказаться щенок на пустынной, в общем-то, трассе? Ясно, что верёвку он перегрыз сам, но что обозначал этот обрывок на шее? Хороший хозяин надел бы на собаку ошейник. А может быть, понадеялся, что верёвки в данном случае будет достаточно? Или у кого-то не хватило решимости погубить щенка, и он привязал беднягу к дереву в надежде, что тот сам погибнет? И такие случаи бывают. Но собака, опять же, породистая, такую зря не заведут. Запутавшись в этих мыслях, Иван отогнал их прочь. Причин могло быть много. Беглец по-прежнему спал, видимо, сильно устал, плутая по «усам» дороги, пока шум машины не заставил его выбежать на трассу. Надо сказать, что он сразу чем-то приглянулся Ивану. Чутьё таёжного охотника подсказывало, что из этого щенка может получиться хороший помощник. Он решил оставить найдёныша у себя, тем более, что его собака Тайга недавно, погнавшись за дичью, сгинула в болоте. Наверное, угодила в трясины. Так что живая находка оказалась весьма кстати.

Перед деревней щенок проснулся и заскулил, вероятно, был голоден. Из съестных запасов нашлась только одна шоколадка, которую «по-братски» поделили. Поев, гость успокоился. Вот так и появился ещё один «член семьи», который оказался женского рода, поэтому по обоюдному согласию его назвали Найдой. Иван не ошибся в своих предположениях: той же осенью собака облаяла первого глухаря.

С весны и до наступления зимы Найда жила вместе с хозяевами. А когда они уезжали в город, оставляли её у родственников в соседней деревне. Зачем обрекать охотничью собаку на мучения в городской квартире? Пока хозяев не было, Найда рожала щенят, которых разбирали охотники близлежащих деревень и посёлков. Она довольно быстро привыкала к расставанию со своими детёнышами. Но в этот раз всё оказалось по-другому. Когда хозяева приехали из города, Северка ещё не успели отдать новому владельцу. Он весело крутился возле матери, пытаясь обхватить её морду лапами, цеплялся за хвост. Мать с удовольствием отвечала на эту игру. Видя такую идиллию, Иван заикнулся было о том, что заберёт обеих собак. Уж больно хорош Северок! Но человек, которому обещали щенка, на днях должен был приехать за ним. Найду с трудом заманили в сани снегохода. По дороге домой она несколько раз порывалась выпрыгнуть и вернуться к щенку, но цепь, прикреплённая к перекладине санного днища, крепко держала её. Пробежав несколько метров, собака вынуждена была снова заскакать на место.

Первое время Найда плохо ела, смотрела на хозяина грустными глазами, и ему виделся в них упрёк. Она часто выла, повернувшись в ту сторону, где остался Северок. Жена Ивана Алевтина в эти дни часто подходила к собаке и гладила её,

уговаривая потерпеть и успокоиться. Раньше Найда очень любила эти минуты. Если её переставали гладить, собака, прося продолжения ласки, тыкалась мордой, стараясь приподнять руки хозяйки. Но теперь она, не реагируя ни на что, продолжала лежать, с тоской глядя на Алевтину, словно просила: «Ты ведь тоже мать, помоги».

Через некоторое время всё будто бы встало на свои места. Найда понемножку начала есть, откликаться на ласку. Но так только казалось. Материнская тоска всё это время жила в ней, а выхода не было. И, видимо, само провидение послало ей удачу. Теперь она бежала, больше всего на свете желая быстрее увидеть своего щенка, облизать его и быть рядом, оберегая и защищая своё дитя. Может быть, Северок был её последней отрадой. По собачьим меркам ей было уже одиннадцать лет, а в переводе на «человеческую» арифметику – все семьдесят!

Найда бежала, совсем не чувствуя усталости. В одном месте колея свернула с реки в лес. На пушистом снегу чётко отпечатались заячьи следы. Собака остановилась, раздумывая. В ней боролись два инстинкта – охотничий и материнский. Но что на свете может быть сильнее всепобеждающей любви к своему детёнышу! Вспомнив о щенке, Найда ещё быстрее побежала вперёд. Она как будто боялась потерять драгоценные для неё минуты. А вдруг именно в это время что-то изменится в худшую сторону, и она уже никогда не увидит своё дитя? Больше она не обращала внимания ни на какие следы.

Вскоре за поворотом реки показалась деревня. Двадцать километров были позади. Взбудоражив всех местных собак, беглянка добежала до знакомой будки. Щенок был привязан. Он лежал внутри, дрожал от холода и сиротливо глядел на улицу. Увидев мать, он выскочил, запрыгал, радостно залаял. Найда облизала его и залезла в будку. Теперь, когда её желание исполнилось, она почувствовала голод и страшную усталость. Северок прижался к боку матери, отчего ему сразу стало тепло и уютно. Временами Найда проваливалась в сон, но осторожность заставляла её тут же очнуться и снова прислушиваться к любому шуму.

Вскоре щенку принесли еду. Мать, понимая, что её поймают и опять посадят на цепь, выскочила из будки и стояла поодаль. Сколько её ни звали, чем только ни приманивали – всё было бесполезно. Собака упорно отбегала подальше от будки. Лишь когда все ушли, она доела за щенком остатки еды и залезла с ним в конуру. Северок безмятежно спал, а мать прислушивалась, готовая в случае опасности выскочить и занять свою позицию. Страшнее всего было то, что её могут отправить домой без щенка.

Так продолжалось два дня. Найда пыталась освободить своё дитя, но ничего не могла сделать. Цепь оказалась крепкой и была надёжно прикреплена к стене сарая, возле которого стояла будка. В отчаянии собака несколько раз в день

прибегала на берег реки и протяжно выла, повернувшись в сторону дома. Она как будто звала своего хозяина на помощь.

А Иван тем временем лежал в постели и лечил свой застарелый радикулит. Надо же, как некстати прихватило! На третий день, почувствовав облегчение, он решил поехать за собакой. Алевтина, провожая мужа, сказала:

– Если щенка ещё не отдали, вези домой обоих. Сил нет смотреть, как собака мается.

Муж согласно кивнул. Он уже принял для себя такое решение и даже бросил в сани снегохода старую шубу, чтобы укутать щенка. Чувство вины за то, что тогда не забрал домой обеих собак, давило на него. Он и думать не хотел о том, что будет, если щенка уже отдали новому хозяину.

Родственник, увидев Ивана, обрадовался:

– Ну, слава богу, приехал. Мы уж тут все испереживались. А главное дело, поняли, что нельзя разлучать Найду со щенком. Вот ведь как всё в природе устроено: и собака любит своё дитя, оказывается, так же сильно, как женщина ребёнка. Материнский инстинкт, понимаешь! Нам, мужикам, это неведомо. Что делать-то будешь?

– А что тут думать? Заберу обоих. Одна собака – хорошо, а две – лучше. Сразу нужно было так сделать. Вы уж тут извинитесь перед тем, кому обещали щенка. Объясните так, чтобы понял.

– Поймёт, куда денется!

Найда, заслышав шаги, встала настороже за несколько метров от будки. Увидев Ивана, она сначала рванулась к нему, но потом опомнилась. Страх за себя и щенка уже измотал её. С добром ли приехал хозяин? А тот, взяв щенка на руки, слегка потрепал его и сказал:

– Ну что, брат, поедem домой? – и направился к саням. Найда каким-то чутьём поняла, что ничего страшного уже не случится, и пошла за ними.

Иван прикрыл щенка в санях тулупом и повернулся к собаке. То, что он увидел, поразило его до глубины души! Из глаз Найды катились слёзы. Как же должно было настрадаться это бедное существо, чтобы плакать, как человек! Иван, сглотнув комок в горле, почувствовал, что и на его глаза наворачиваются слёзы. Он присел, приласкал собаку:

– Ну, что, Найдёна, намаялась? Ты уж извини меня. Ничего, теперь всё будет хорошо, полезай в сани.

Он вытер и свои слёзы, и её. Собака уткнулась мордой в колени хозяина и тихонько заскулила. Иван молча гладил её холодный загривок. Найда от избытка чувств стала бить хвостом о плотный снег, тыкаясь мордой то в ладони, то в грудь. Иногда касалась мокрым носом щеки.

– Ну, будет, будет, – успокоил её Иван. Собака благодарно лизнула руки хозяина и улеглась рядом со щенком.

Алевтина, услышав шум снегохода, выбежала на крыльцо. Вконец истомившись в ожидании и увидев всё семейство в сборе, выдохнула:

– Вот и хорошо, вот и ладно, теперь все дома...

.....
Лев Мачулин
.....

Двое в лесу (посвящается Шейле)

Двое в лесу – я и собака,
Обычное дело, сюжет не нов.
Сюда привело нас не чувство страха,
Не дерзкий зуд сотрясения основ.

Мы не гоняемся за добычей,
Не ищем клады, не ищем нефть.
Мы просто пришли и сидим привычно,
Отринув на миг суеты круговерть.

Мороз, костёр, день и ночь вперемешку,
Но отчего-то так хочется жить!
Готов простить вам вашу усмешку,
Я даже не знаю, с чем это сравнить...

Как будто струны детства задели,
Того, что с бидоном за молоком:
«Двое в комнате – я и Ленин...»
Но это, конечно, совсем о другом.

Наперекор всем бурям и вьюгам,
Пространствам, покрытым снегом и льдом,
Двое в спальне – я и супруга...
Но это, ребята, опять не о том.

Направо храм, купола с позолотой,
Где Божий дух, где Сын и Отец,
Где у царских врат плакал ребёнок...

Но это уж точно сюжету вразрез.

Да, знаю – век собачий недолог,
Наступит и мой финальный момент.

Двое в палате – я и доктор.
Доктор живой, а я уже нет.

Смотри на меня, моё рыжее чудо!
Нас ждет привычный земной бардак,
Но это потом. А сейчас – в лесу мы.
И это – счастье. Да будет так.

Галина Мезенцева

У костра

У костра, милый друг, у костра
Отдохнёт этот вечер уставший,
Со вчерашнего дня недоспавший
И немного голодный с утра...

Нам тайга не давала пройти:
Увязали мы в топкой трясине,
В колее по продавленной глине
Вырывали по метру пути.

У костра задремал на руке,
Измотавшись, попутчик надёжный.
Пусть поспит. Разбужу осторожно,
Как поспеет уха в котелке.

Чуть в сторонке стоят сапоги.
Грею ноги. Запрели. Разбухли.
Пусть трещат поседевшие угли,
Пусть просушат носочек с ноги.

У костра. Хорошо у костра!
Хлеб на прутик да сала кусочек.

В котелок бы лавровый листочек.
О, горчичка! Горчичка остра!

Ах. Какие здесь звёзды в ночи
В тёмном небе сияют, как искры!
А с утра сквозь туман серебристый
Солнце робко пронзает лучи.

У костра. Посидим у костра...
Утро свежей прохладой встречает.
Мы согреемся кружечкой чая,
Новый день начиная с чиста!

Алексей Мильков

Баллада о добровольце, уходящем на войну

Я боль презрел, когда был молод тоже,
Я страсть дерзнул, попутал словно бес,
Я радость скрыл, когда явилась, боже!
Ещё из дев, как доброй воли жест.

Жест откровенный, дерзкий был
и спорый.

Достойный,
верный,
пылкий паритет.

За страх и риск я был готовый
На яркий символ наших с ней утех.

«Мать-Родина зовёт!» – плакат маячил.
Понятен был взмах Родины руки.
Плакат взывал, и требовал, что значит...
Забудь про женщин и умри с тоски.

И тут плакат заговорил:
– Приятель!

Пора «любовь-морковь» не рифмовать.
Очнись! Перед тобою неприятель,
Прожорливый и гнусный,
яко тать.

Иди на бой кровавый с супостатом!
Отдай свой долг, и жизнь в раз положи!
А дамочку, что примостилась рядом,
Домой на печку к мамке отошли.

Вчера я вроде холост был и не был,
Но как же дар я речи потерял?
– Глаза открой – и зри! – тут встряло Небо,
– А, ну-ка, вспомни встречи...
ваш вокзал...

История тогда катилась в лету,
Я всё пространство женское объял,
Я каждую свою лихую клетку
в то женское поветрие внедрял.

– Не супь свой взор, смотри в рассвет прямее! –
Тут Небо наставление даёт:
– Природе всё равно, чья кровь, алея,
С твоею длинный водит хоровод.

С врагом ли, с девой, по пампасам
Будь твёрд!
Держись!
Сдружись
и не брюзжи!
Не импотент ты, чур, признайся, часом? –
И Небо предложило:
– Докажи!

Я боль сносил, чудные слыша стоны.
Я страсть дышал в ромашки, в васильки.
На страх и риск попрал любви законы –
Как монстр-маньяк я вспарывал чулки.

– Жизнь дорожи свою! – взывало Небо.
– Вперёд! – на бой святой толкала Мать.
– Не жди, решай! – твердило эхо слепо.
– Всё! Хватит! Стоп! – отвёл глаза плакат.

Я слушал Небо, делал, как оно просило.
Всё делал, как «Мать-Родина зовёт!»
Ослушаться в расчёты не входило –
Она права, как прав над миром свод.

Жуть на кавказской свадьбе, или Кинжал – лучший способ проверки любви

Привелось как-то быть в глубинке на Северном Кавказе. Позвали на свадьбу одной немногочисленной народности. Я всегда интересовался традициями, обычаями и это было моей всепоглощающей страстью, поэтому с радостью принял приглашение. Меня предупредили:

– Не обессудь, но у всех народов есть свои замечательные обычаи, если увидишь что-то неожиданное, не шокируйся, восприми это спокойно, – и добавили:
– Просто вам, русским, не понять, надо уметь вовремя давать происходящему правильную, с учётом национальных особенностей, оценку.

Сию на свадьбе, поглядываю на новобрачных. Не буду подробно описывать наряды молодых в национальных свадебных костюмах, головные уборы. Всё в старинном стиле. Понятное дело, свадебное платье невесты украшено ручной вышивкой и камнями.

С самого начала песни и танцы. Ни одна кавказская свадьба не обходится без них. Гости образовали полукруг из мужчин и полукруг из женщин, а в центре танцевали пары лезгинку. А я подмечал все подробности.

Тамада тем временем вовлекал гостей.

– Кавказская свадьба отнюдь не развлечение! – тормозил он всех. – Народ не столько веселится, сколько соблюдает традиции. Если на свадьбе гости мало пьют, поют и танцуют, – напирал он, – свадьба считается скучной.

Ближе к концу вечера музыка стала решительной. Тамада выхватил кинжал и поднял его вверх.

– Уважаемые гости! – вспыхнул он красноречием. – Теперь вишенка на торте! Сейчас перед вашими глазами молодая пара пройдёт интересную проверку любви друг к другу. Это будет незабываемое зрелище, освящённое многовековой практикой.

Вышли на видное место жених и невеста. Гости ждали этой минуты с нетерпением и разразились бодрими криками.

Тамада продолжал:

– Так давайте подадим кинжал молодым и проверим истинные чувства жениха и невесты на этой свадьбе, наберёмся терпения лицезреть уникальный процесс до конца, подведём итоги, а потом поднимем бокалы за победителя!

Кавказцы горячие люди, и вот оно началось, то самое шокирующее, своеобразное, обещанное. Кинжал оказался в руках девушки.

Видимо гости знали правила и приветствовали молодых как гладиаторов, идущих на смерть, а началось с того, что невеста подала жениху кинжал и попросила:

– Докажи настоящую любовь к своей избраннице. Убей меня!

Юноша в свою очередь передал кинжал ей со словами:

– Нет, это ты докажи, если любишь! Убей меня! – Глаза его не столько просили, сколько требовали.

Я смекнул, очень торжественный и ответственный момент, и здесь немаловажна роль того, кто способен взять на себя высокую миссию вложить кинжал в руки молодым. Я бы не смог, а тамада справился с этим, вероятно, ему было такое не впервой.

Кинжал переходил из рук в руки.

– Если я тебе равнодушна, включи свою решимость, собери волю в кулак, сделай то, что я желаю. Убей меня! – девушка ещё сильнее подставляла грудь.

– Если ты уважаешь мою семью, ты не предашь её позору! Убей меня! – юноша тоже был несговорчив.

Это были ещё мягкие требования. Молодые переходили на откровенные оскорбления, вспоминали претензии своих родственников, что было и что не было до седьмого колена.

А тамада комментировал:

– Есть ещё вариант. Если кто-то из молодых убивает не предмет обожания и вождения, а себя, значит, его любовь оказывается на порядок выше, глубже и сильнее.

Похоже, «обмен любезностями» молодых вызывал у зрителей эмоций не меньше. Они одобрительно их подзадоривали и требовали быстрее начать и кончить. Мне даже слышалось, что в это время всю принимались ставки баранами на победителя.

Это продолжалось уже два часа, гости не расходились, наоборот, их набилось ещё больше. Я чувствовал, что у молодых затекли ноги, но они с настойчивостью бодающихся баранов держались молодцами.

«Это точно, они – гладиаторы, идущие на смерть! – подумал я. – Жизнь – это бой ради любви! А чего они тянут? Когда же наступит кульминационный момент?» – Я посмотрел на часы.

А вот и ответ тамады:

– Свадьба на Кавказе может продолжаться один день, а может неделю, как только... не будем торопить события... не будем забегать вперёд... пока влюблённые не выяснят свои отношения. Дайте им время.

Кинжал продолжал переходить из рук в руки. Ажиотаж возрастал. Жертвовать себя ради любви на Кавказе – это ли не доказательство верха проявления достоинства, заботы, уважения, миролюбия.

«Когда-то же у кого-то из них не дрогнет рука! Они же дети! – испугался я и отметил: – Но как же зрители, есть убелённые сединой, не в пример мне, способны на ликование в такой ужасающий момент!»

Я сам не из слабонервных, но сразу понял, что моё сердце не выдержит стресса с беспокойством в глазах смотреть, как упадёт один из поверженных молодожёнов, но не окажется посрамлённой стороной, будь то девушка или юноша, доказав всем свою силу любви. «Минута славы» могла произойти в любую минуту. Следовать словам тамады: «проверить истинные чувства жениха и невесты на этой свадьбе, набраться терпения лицезреть уникальный процесс до конца, ждать подведения итога, а потом поднять бокал за победителя», я не мог из-за душевного опустошения.

И я незаметно сделал ноги подальше от жуткой свадьбы.

Колыбельная про солнышко

Темно. Бродит леший. Всё за ночь остыло.
Но солнышко встало – дома позлатило.
Вот глаз приоткрыло, ногой посучило.
– Светило! – представилось громко Светило.

Припев:

– Светило я, всем я светилам светило!
Светить буду свет, чтоб его всем хватило!

Светило по утрам неважно светило.
Светило по утрам светить не любило.
Лицо не умыло, за тучку ходило,
В припрыг не бежало, глазами косило.

Припев.

А в полдень жарою всю землю залило.
И пальцем кому-то успеть пригрозило.
И рожицу скорчить с небес не забыло.
И дружбу со всеми водить предложило.

Припев.

А к вечеру шутки ни с кем не шутило.
Народ не смешило. Куда-то спешило.
– В постельку хочу! – всем сказало Светило
И бок свой за гору, прыг-скок, закатило.

Припев.

Николь Михеева

Работайте братья

«Работайте братья!» – призвал Магомед,
Такой был от горца последний завет.
В ведениях жизнь пролетает как миг,
Так хочется жить, но известен вердикт.

В жестоких боях, врага окружая,
Испуга и страха не признавая,
Идёт в наступление русский солдат
И в мыслях одно лишь – «Работаем брат».

Врагу не понять нашу гордую статью,
За Родину смерть нам не страшно принять.
И грудью встречая свинцовые пули,
Ребята ряды поплотнее сомкнули.

Они не боятся, они не бегут,
К победе спокойно солдаты идут.
И знают они, что за правду стоят,

И мир, и свободу они сохраняют.

«Работайте братья» – храните завет,
И силы с отвагой в нём будет секрет.
Не бойтесь за правду стоять до конца.
И вспомните братья вы Магу бойца...

Евгения Перепон

*****

Пожалуйста, прими себя таким,
Какой ты есть. И просто улыбнись.
Почувствуй жизнь в течении реки.
И осознай, как безупречна жизнь.

Она проста, она заключена
В моменте этом вся, и всё возможно.

Люби весь мир ты, как себя.

И всё вокруг любя,
Любовью станешь...

Вот как можно
Играть словами, ритмом, жизнью...

Мой друг, ну разве это сложно?

О, нет, едва ли... Понимаешь?

Ищи в себе – и ты найдёшь,

Что все мыслители искали
Из века в век... Всё это здесь.

Пожалуйста, прими себя таким,
Какой ты есть.

Рубашка

Дождило. Небо словно кто-то сглазил.
Весь день из-под резиновых сапог
Летели комья чавкающей грязи,
И тоненький сиреневый платок

Промок насквозь, на худенькие плечи
С густой копны сползая без конца.
Приветливо кивая редким встречным,
Шла женщина: с усталого лица

Стирали дождь озябшие ладони.
От дома к дому... Крайние дворы –
И опустеет сумка почтальона.
Не по себе... Не слышно детворы,

Спугнуло всех погодой невесёлой,
В округе – лишь дождинок голоса.
Как будто вымер маленький посёлок.
...Последний дом. Последний адресат.

Почтовый ящик на резной калитке,
А во дворе, над жухлою травой,
Висит мужская, мокрая до нитки,
Рубашка на верёвке бельевой.

Рабочая, из клетчатой фланели,
Та самая... По краю подола,
Чужим глазам заметна еле-еле,
Подпалинка, что второпях прожгла –

Она... Хозяин приходил с работы
В их общий дом... Уставший и родной,
Рубашку ту, пропитанную потом,
Снимал... Не сомневалась: ей одной

Принадлежит незыблемое счастье.
...Да в гости «синеокая беда»
Нагрязнула. Ждала – пройдёт... Напрасно.
В рубашке этой и ушёл тогда.

Вещей не отдавала не из мести,
Надеялась: когда-нибудь придёт,
А – там... Но горьких дождалась известий:
Повестку получила на развод.

Не соглашалась долго, но не вышло...
И снова горечь сердце обожгла,
Когда открытку от свекрови бывшей
На новый адрес мужа принесла.

Привычную дорогой, как на плаху,
Теперь ходила с почтой день за днём.
В чужом дворе знакомая рубаха
Сушилась по субботам... Жгло огнём,

Раскалывалась на две половинки
Душа... За тем окном – чужой уют...
Но там чужие руки из машинки
Привычно, раз за разом, достают

Рубашку ту... Вернуть бы всё, да разве
Доверила б кому свои права?
Чуть мыльца, голубой с цветочком тазик...
И всю – руками!.. Полы, рукава!..

Стирала бы заботливо, любовно,
Чтоб с выжатой – кристальная вода!
А после, отутюженную, ровно –
На плечики... Да только никогда

Тому не быть. И надо же – не рвётся!
И пуговицы те же, как ни глянь...
С годами только выцвела на солнце,
Прочней любви фланелевая ткань.

...Газету – в ящик. Под ноги не глядя,
Шла быстро прочь по улицам пустым.
Себя корила: «Старой тряпки ради
Тревожить сердце?! Сожжены мосты!»

Домой! Уже пришли из школы дети,
Скорее – к ним!.. Не думая о том,
Как их отца рубашку треплет ветер
В чужом дворе под проливным дождём...

Боровской вальс
(Слова и музыка Эвелины Пиженко)

1.
В северном крае, от шумных кварталов и улиц вдали,
Ели мохнатые лапы склоняют до самой земли.
Речка Ухтарка по камешкам быстро бежит,
Звонким журчаньем снимая усталость с души.

Припев.
Здесь – покой и таёжная тишь.
Здесь, как в детстве, тихонечко спишь.
Сосны шепчутся над головой:
Боровой, Боровой.

2.
Осень умоет дождями, и снегом засыплет зима
Школьного парка тропинки, дороги твои и дома.
Но на Советской, Спортивной, Зелёной, Лесной
Снова черёмуха зазеленеет весной.

Припев.
Здесь – покой и таёжная тишь.
Здесь, как в детстве, тихонечко спишь.
Сосны шепчутся над головой:
Боровой, Боровой.

3.
Этот посёлок когда-то построили наши отцы.
Вот уже внуки из гнёзд разлетаются, будто птенцы.
Только я верю, что, сколько бы лет ни прошло,
Будут они возвращаться в родное тепло.

Припев.
Здесь – покой и таёжная тишь.
Здесь, как в детстве, тихонечко спишь.
Сосны шепчутся над головой:
Боровой, Боровой.

Галина Пляшкова

Республика Коми

Республика Коми – таёжные дали,
Извилистых рек седина.
Тебя полюбили, с тобой создали,
Нам выпала доля одна.
Осенние ливни, суровые зимы,
И паводок северных рек,
Казались порою непреодолимы,
Но всё одолел человек.
Богатства земли берегла и таила,
А люди к ним тропы нашли.
Но волю и мужество ты оценила,
Ларцы, отворяя свои.
Потоки людей самых разных профессий
Тебе направляет страна.
Признает история правду репрессий,
Да вряд ли твоя в том вина,
Мы строили фабрики, шахты, заводы.
Когда вдруг война началась,
И, эхом тревог умножая невзгоды,
В краю твоём отозвалась.
Твои сыновья, защищая редут
За Родину насмерть стояли.

Ждал жён – матерей изнурительный труд,
Что фронтом в тылу называли.
Ухтинская нефть, минералы Печоры,
И уголь Инты, Воркуты,
И газ, и леса неподвластные взору, –
Всё то, чем прославилась ты.
К началу столетия открыты страницы,
В век новых и смелых идей.
Ты празднуешь, не забывая традиций,
Республика – свой Юбилей.

Судьба

У подножья высоких холмов,
Опоясанных лентами рек,
Городские кварталы домов,
Отразившие времени бег.

Поначалу здесь были геологи,
Они тайными тропами шли,
Неизведанными, трудными, долгими
К тем, несметным богатствам земли.

Одичав от лесной кутерьмы,
Край таёжный суров и дремуч.
Лишь костры от морозов и тьмы,
От болотной мошки смертных туч.

Тут и множились спецпоселения,
Искорёженной жизни людской.
Не поставленных на колени,
Но сдружившихся с мирной тайгой.

А когда потянулись дороги,
Да по ним эшелоны людей,
Стал режим по-военному строгим,
Стал запрет разногласью идей.

Сколько мук превозмог человек,
Строя в будущее мосты.
Скольким здесь не прикрыты веки,
Не поставлены даже кресты.

Как из недра земли добывались
Нефть и газ, шахтный уголь, руда,
Вечным памятником тому стали
Наши северные города.

Ко всему, всё ж добавить хочется,
Тем, кто волен такое забыть.
Память мужества первопроходцев
Поколенья должны сохранить.

.....
Галина Преображенская
.....

О Харьяге

В тундровом крае пустом,
В роще полярных берёз,
Вырос брезентовый дом,
Фалами к кочкам прирос.
В парусе трепетных стен
Северный ветер угас,
Ниточки белых антенн
Держат надёжную связь.

Тройка отважных ребят
Вышла в далёкий маршрут,
Чтоб в тундре нефть отыскать
Пробы в ручьях отберут.
Маленький красный флажок
С мачты сигнал подаёт,
В тёплой палатке пустой,
С прибором сотрудница ждёт.

Глубоко, глубоко нефти клад,
Мы хотим его отыскать.
Север мой, север мой, ты богат,
Нелегко нам с тобой,
С мерзлотой совладать.

К югу цепочки гусей
Шлёт, остывая, земля,
Криком прощаются с ней
Перьями тундру беля.
Тундра готова к зиме,
Сбросила лист, оголив
Ветки берёзок в траве,
Суриком склоны залив.

Тонкая корочка льда
Утром застыла в ведре,
В речке умолкла вода,
Светлая тишь в синеве.
След от ночного дождя –
Бусы на ветках висят,
Скатятся днём, погода,
В мох кружевной зашуршат.

.....
Константин Рочев
.....

Общее описание содержимого системного блока компьютера

(Системный блок)

Корпус ПК зовут де-юре
Системным блоком. В этом блоке
Располагается в итоге
Различная аппаратура.

В её числе нужны всегда
Там материнская нам плата,
Система охлаждения рядом,
Питание – блок и провода.

(Материнская плата)

На материнской плате есть
Контроллеры, порты, разъёмы.
Чипсетом их набор зовём мы.
Они для подключения здесь

Всех основных устройств системы.

Два концентратора в чипсете:
Северный мост – на него крепят
Самые быстрые объекты

Такие как: процессор, память
Оперативную, конечно,
И видео адаптер здесь же,
Часть жёстких дисков тоже ставят.

А через внутреннюю шину
Подключен дальше южный мост.
На нём разъёмы для устройств,
Предполагающих ввод-вывод.

(Видеокарта)

Видеокарта существует
Для подготовки данных к виду
Пригодному, чтоб сделать вывод
На монитор. Преобразует

Она в графический сигнал
Те сведения, что поступают
С компьютера. Ещё, бывает,
Проводит рендеринг она.

Для этого в видеокарте
Есть собственная память, чтобы
Кэш-данные хранить и много
Расчётных блоков – мелких ядер.

Порой на видеоадаптер

Выносят даже часть расчётов,
Что требуют довольно много
Ресурсов, и притом характер

Их параллелить позволяет.
С другой же стороны, порою,
Видеочип, который встроен
В процессор, карту заменяет.

(Процессор)

Процессор – элемент центральный,
Где производятся расчёты –
Инструкции программ – их кода.
Он выполняет код программный.

Он состоит из микросхемы,
С кристаллом кремния, который
В себя включает миллионы
Транзисторов. Во многом время

Расчётов в нём определяют
Архитектура с частотой.
Последняя, увы, порой
Ограничением страдает:

Из-за размера и нагрева
Пять-десять гигагерц – предел, но
Возможен рост за счёт того,
Что больше ядер можно делать.

(Хранение данных)

Для обработки данных надо
Хранить их где-то. Для чего
Используется широко
Многоступенчатая память.

Рассмотрим «сверху вниз» её мы
По убыванию скоростей,
Цены и близости к расчётам*

И расширению объёма.

(Регистры)

В процессоре «на слое верхнем»
Располагаются регистры,
В них чтение-запись очень быстры,
Они нужны для вычислений.

(Кэш)

Также в процессорах есть кэш,
Для сохранения данных рядом
С регистрами. Поскольку надо
Там скорости держать рубеж

Почти на уровне регистров.
Но слишком маленький объём
Храниться данных может в нём –
Он дорог и предельно быстр.

Для соблюдения баланса
Объёма, скорости, цены –
Используют, порой, два-три
Кэш-уровня в системе сразу.

(Оперативная память)

Для относительно больших
Объёмов данных, тех что могут
Нужны быть софту для работы,
А могут быть и не нужны,

Оперативная есть память.
Она быстрее, чем жёсткий диск,
И медленней, чем кэши. Риск
Её в том, что нельзя заставить

Сохранить данные, когда
Отключится подача тока,
Ну и в цене весьма высокой.
Зато все данные она

С случайных мест легко читает
И эти данные в расчёт
Процессору передаёт.
И эта память представляет

Пространство для всего софта,
Запущенного на устройстве.
И позволяет без расстройств
Много программ нам запускать.

(Жёсткий диск)

Жёсткие диски позволяют
Хранить довольно много данных,
И применять их регулярно.
Двух разновидностей бывают.

Магнитный диск – большой объём,
Но небольшая скорость чтения
И записи. За счёт вращения
Проходит доступ к данным в нём,

И из-за этого так часто
Он медленный при чтении с разных
Участков. И весьма опасны
Ему вибрации и тряска.

(SSD)

А твердотельный накопитель
Дороже, ограничен по
Чтениям-записям, зато
Весьма энергоэффективен,

Быстрее, в среднем, он раз в десять,
А для M2 и в сто, порою.
Компактен, дорог, но удобен,
Надёжен и весьма полезен.

Лиса и мудрая Сова

Осенней порой собралась Лиса к зиме готовиться. Смотрит, как другие жители леса уже урожаем собирают, заготовки на зиму делают, кладовые заполняют, домишки утепляют да украшают. А у Лисы – лето весело прошло, да только нечего и запастись, ведь лень было трудиться, да в домике старом ветер гуляет, сквозь щели посвистывает.

Призадумалась Лиса, села на пенёк, загрустила и рассуждает про себя: «Вот я хитрая-хитрая, самая хитрая в лесу, да какая в том мне польза, если нет ни тёплого домика, ни сытной кладовой».

Видит Лиса – Сова идёт, грибочки да шишки собирает.

«Сову мудрой все называют, она умеет всё мудрёно продумать, у совы уж к зиме всё готово. Соседи её уважают, совета спрашивают. А я что, не мудрая? Может, и помудрее совы буду, – думает про себя Лисица. – Я быстрее всех к зиме подготовлюсь, устроюсь хорошо и всем в лесу покажу, кто самый мудрый».

– Здравствуй, Совушка! Как поживаешь? Что делаешь?

– Здравствуй, Лисонька! Да вот грибов и шишек на зиму запасаю. Хороши грибочки в супе будут, а из шишек целебное средство получится, да и домик они помогут подлатать, – отвечает Сова.

– А я, Совушка, так грибочки люблю, да собирать не умею. Домик мой беденький разваливается. Можно мне с тобой?

– Отчего же нельзя, можно. Вместе легче зимовать, больше припасов заготовим, с делами быстрее управимся.

Ходят Сова и Лиса вместе по лесу, да вот только лень Лисе трудиться. Она песенки поёт да изредка восклицает: «Вон там грибочек, вон там шишка...», – и лапкой показывает. А мудрая Совушка сама всё собирает, на Лису надежды нет.

На другой день собрались Сова с Лисой варенье из летних ягод варить, их у Совушки-хозяйки много было припасено. Хитрая лиса опять стала от работы уваливать, а Сова прилежно трудилась, думая о грядущих морозных деньках. Лисица знай ягодки ест да вареньице пробует, довольная, наелась досыта. Так же и с соленьями на зиму вышло – хитрая Лиса мало что сделала, больше мешала, чем помогала трудолюбивой Совушке.

Взялись на другой день домик утеплять – от Лисы опять нету прока. Ей бы только веселиться, да с шишками играть, не помогает Сове домик укреплять шишками, мхом да другими лесными средствами.

Утомилась Сова, всплеснула крыльями.

– Ума не приложу, Лисонька, как мы с тобой будем вместе зимовать. Хитрость впереди тебя идёт, – воскликнула в недоумении Сова. – Не вкладываешь и частицу своего труда, а благами пользуешься.

Испугалась Лиса, что опять ей в одиночестве придётся оставаться и некуда пойти будет.

– Я не хитрая, я всё по-мудрому делаю, всё у меня ловко и хорошо получается, – грустно отвечала провинившаяся.

– Нет, Лисонька, это не мудрость, а хитрость. Нельзя всё чужими усилиями получать. Хитрецам не ужиться в лесу, где все друг другу помогают. Самые сладкие ягоды – которые своим трудом собраны.

Заплакала лиса, поняла, что опять одна останется, её мудрость хитростью оказалась, привела её в беду. И стала она не самой мудрой, а самой ленивой и неразумной в лесу.

– Прости, Совушка, я не со зла. Что ж ты, выгонишь меня теперь?

– Не выгоню, а труду и разуму научу.

И Сова с Лисой починили лисичкин дом, утеплили его, украсили, да кладовую смастерили. Позвали соседей, те на помощь поспешили, каждый принёс, что мог из припасов. Обрадованная Лиса трудилась больше всех, каждому старалась подсобить, всех привечала сердечно. В радость ей было и варенье варить, и гостей угощать, и стол уютный накрывать.

Домишка лисичкин теперь самый красивый в округе стал, а пирожки у неё на столе особенно пышные да сладкие.

.....
Валерий Сахарный
.....

Напоминание о несбывшейся любви

Гладит волосы на моей голове свежий ветер.

Налетая, он шалит и играет со мной,

Словно девушка – та, единственная на свете.

Этот ветер... Никогда он не станет её тёплой и мягкой рукой.

Ветер, ты не дуй над моей головой!

Слышишь, ветер, твоя тихая ласка не знает пощады!

Знаешь, ветер, ты один остаёшься со мной...

Что ж, пускай... Только память тревожить не надо.

Сказка о принцессе

В одной королевской семье родилась девочка. Она росла доброй и красивой, и все говорили, что она достойна радости и счастья. Позже её страну захватили чужеземцы. Только принцессе удалось спастись, и единственное, что она унесла с собой – это белое подвенечное платье. Она надела простую одежду, платье же повсюду носила с собой в узелке. Она верила, что когда-нибудь оно принесёт ей счастье, и мечтала об этой светлой минуте. В её груди билось горячее сердце, созданное для любви.

Враги искали её, и она была вынуждена скрываться. Люди с радостью давали ей приют, но один раз кто-то ради веселья напустил на неё собаку. Шрамы от укусов скоро прошли, но ещё долгое время после этого случая принцессе казалось, что её тело обезображено. А в сердце её появилось место для ненависти.

Однажды во время своих скитаний принцесса увидела вдалеке силуэты незнакомого замка. Сквозь голубую утреннюю дымку он казался ей сказочным и необыкновенным. Что-то подсказывало ей, что здесь она найдёт то, что искала. Она умылась чистой ключевой водой, переделалась в подвенечное платье и шагнула навстречу своей судьбе.

Принцесса стояла на краю луга и любовалась взметнувшимся в небо королевским замком. Подошёл принц, взял её за руку. «Кто ты, прекрасная незнакомка?» – «Я королевская дочь». Взгляды их встретились. Принц с восхищением смотрел на неё. «Пойдём со мной», – сказал он и повёл принцессу через луг. Яркое светило солнце. Молодые люди шли среди цветов, мягко ступая по невысокой траве. Порхали бабочки, щебетали птицы. Принцесса вдыхала свежий аромат весенней природы. Она украдкой взглядывала на принца, и дыхание её замирало, а сердце колотилось в груди в ожидании скорого счастья.

Они вошли в храм. Заиграла торжественная музыка. Душа принцессы то уносилась куда-то вдаль вслед за переливающимися звуками органа, то возвращалась обратно под величественные аккорды. Тысячи свечей струили мягкий свет. Сквозь лёгкое и приятное головокружение от пьянящего запаха ладана звучали слова священника. Принцесса и принц произнесли клятвы вечной любви...

«Что ж, дело сделано», – сказал принц и повёл свою супругу дальше. Через пыльную площадь, к почерневшим воротам дворца. Ржали лошади, пахло навозом. Внутри королевского замка стоял тяжёлый полумрак. С шипением и треском горели по стенам тусклые факелы.

За обедом король-отец посмотрел сквозь принцессу, равнодушно кивнул, повернулся к окну и погрузился в свои королевские думы. Королева-мать сказала: «Теперь ты принадлежишь нашему дому. Ты, конечно, прелестна, но слишком долго бродяжничала, и боюсь, что мой сын слишком поспешил со свадьбой. Ты должна

усвоить наши правила и обычаи, чтобы не было стыдно показать тебя людям. Для начала научись плавно танцевать». Принц молчал.

Целыми днями принцесса училась плавно танцевать. В минуты отдыха она смотрела через узенькое окно на тот самый луг, и на глаза её начинали наворачиваться слёзы. А по ночам она надевала простое платье, тайком уходила из дворца и плясала вместе с городской молодёжью.

Когда всё открылось, принцессу попросили удалиться. Ей некуда было возвращаться, и она поселилась в домике неподалёку от дворца. Она завела новые знакомства, и время от времени прогуливалась по дворцовой площади под руку с кем-нибудь из местных парней. Что чувствовал принц, глядя из своего окна на бывшую супругу? Как кусала губы в бессильной злобе королева-мать!

Принцесса была так прекрасна, что мужчины сходили с ума от её красоты. Но она была жестока и только смеялась над их любовью. Сердце её, которое раньше так колотилось, будто старалось вырваться из груди навстречу любимым людям, теперь сжалось в комочек и замерло. Она была так жестока, что наказывала и принца, и его высокомерных родителей, и мужчин, сгорающих от любви к ней. Она наказывала себя за несбывшееся счастье.

Прошли годы. Теперь принцесса переселилась на окраину города и жила одна. Она начала задумываться, и ей становилось стыдно за то, что она совершала в порыве мести и отчаянья. Сердце, застывшее и сжатое в комочек, начало понемногу оттаивать. Стала просыпаться жалость к тем, кто когда-то был ею обижен. Принцессе хотелось забыть прошедшее, и она забывала. И тут же пугалась: «Неужели я схожу с ума?» – и вспоминала снова, и опять забывала...

Душа её просыпалась и боялась проснуться. Страшно открывать глаза навстречу новым разочарованиям. Однако сон имеет только два выхода: смерть или пробуждение. Принцесса снова начала мечтать. Мечты её были не такие красивые, как раньше. Теперь их место заняли серые и безрадостные фантазии. Её сердце когда-то было горячим и трепетным, потом ледяным и неподвижным. Сейчас оно стало прохладным и вялым.

Давным-давно, ещё в пору счастливого детства, в её снах часто появлялся ангел. Он радовался вместе с ней её милым детским радостям, утешал в огорчениях.

Принцесса не сразу вспомнила своего доброго старого ангела, когда он снова пришёл к ней во сне. Приближался рассвет. Ангел взял её за руку и повел по дороге. С удивлением и радостью принцесса узнавала, казалось бы, давно забытые счастливые картины своей юности.

Ей захотелось жить и мечтать – так, как жила и мечтала когда-то. У развилки дороги ангел произнёс: «Ты сама знаешь, куда дальше идти. Иди». Взошло солнце. Принцесса проснулась.

Дорожная песня

Птицы-кепки на столбиках сидят.
Поезд едет, колёсики стучат.
Уезжаю в далёкие края
И не знаю, ждут ли там меня.

Остановка. Все вышли на перрон,
Покупают в киосках эскимо.
А я молча на полочке сижу,
Из вагона совсем не выхожу.

Еду дальше, думаю о том,
Что увижу в городе чужом,
Что оставил дома у себя
И вернусь ли в край родимый я.

Может, встречу там свою любовь,
Радость жизни испытаю вновь.
Или снова вдаль уеду я.
Где вы, где вы, лучшие края?

.....
Екатерина Сацюк
.....

Успейте налюбоваться на Земле

Успейте налюбоваться на Земле,
Ведь век наш здесь настолько быстротечен.
Сегодня ты живёшь, а завтра всё во мгле.
И поздно всё менять, ведь ты же здесь не вечен.

Успейте деток всех наобнимать,
Они ведь так хотят побыть с тобою.
Родители уйдут, а им здесь проживать.
Успейте окружить их теплотою.

Успейте сделать добрые дела,
Ведь люди здесь не вспомнят безразличных.
Закрыться от толпы, сжечь все мосты дотла...
Потом жалеть о временах ушедших.

Успейте в мир себя преподнести,
Открыть, создать и что-то подарить.
Не просто созидать, сойти на полпути,
А жить по совести, людей благодарить.

Успейте всем святить, чтобы подняться,
В конце, чтоб не остаться в темноте.
И чтоб на жизнь потом не обижаться,
Успейте налюбоваться на Земле.

Мои Ангелы-хранители

С самого раннего детства мои бабушка Капитолина с дедушкой Леонидом были олицетворением чистого и светлого союза, который находится под Божьей защитой. Они не были венчаны, но спустя 50 лет совместной жизни бабушка сказала: «Ну, теперь можно и не венчаться, наш брак, проверенный временем, уже благословлён!» И это так! Их уже нет на этом свете, но они приходят ко мне во снах, то порадоваться моим достижениям, то поплакать, предупредив о предстоящей опасности, то просто рассказать, как они там поживают. Эту связь поколений никуда не деть, она есть, и благодаря этому можно смело заявлять, что мы бесконечны и наша душа, трепещущая от любви или от боли – она жива и будет жить вечно.

Моим любимым бабушке с дедушкой предрешено быть вместе, их души с раннего возраста тянулись друг к другу. Хотя и жили они в разных деревнях, но судьба свела их на школьной вечерке. Уже тогда бабушка увидела молодого статного гармониста, вокруг которого крутилось много красивых девушек, и поняла, что вот именно этот человек и есть её будущий муж. Далее было празднование Дня рождения у совместного друга Декабриста. Дедушка, как всегда, веселил народ игрой на гармошке, бабушка пела заводные частушки, и вот этот миг настал. Их взгляды встретились, сердца затрепетали, и, что тут ещё скажешь, они полюбили друг друга. Да, полюбили не страстно, с безумным вожделением, а по-настоящему, тихо и нежно. Свадьбу сыграли сначала в её деревне Трусово, где бабки по старинным традициям оплакивали молодую, причитали на долгую и счастливую жизнь, а потом в его селе Усть-Цильма, где молодые и остались жить вместе с

семьёй жениха: отцом, матерью и восемью их детьми и, при том, в однокомнатной четвертинке частного дома. Да, тяжело, да, тесновато, но любовь родных душ ещё и не такое готова выдержать.

Общими силами построили ещё один дом. К этому времени родился у них первенец, назвали Владимиром (в честь Владимира Красно Солнышка). Да вот беда приключилась, решила судьба их на прочность испытать. Не усмотрели нянюшки за малышом, взобравшись на второй этаж дома, упал и спинку себе повредил. Благо, жив остался. Через пару лет подарил им Господь дочку Тонечку. Нарадоваться всё молодые не могли, холили и лелеяли своих деток. Бабушка на тот момент работала заведующей детским садом, а дедушка директором Ухтинского городского общества охотников и рыболовов. Договорились они никогда при детях не ругаться, в гостях/нигде не напиваться, всегда новому учиться и в полной мере жизнью наслаждаться. Так и вышло. Поехали с семьёй в г. Вологду, потом и в г. Ухту их судьба привела, здесь и обосновались. Родили ещё одного сыночка Александра, работали, на жизнь не уповали, за всё Бога благодарили.

Всю свою жизнь бабушка и дедушка стремились воспитывать детей, потом и внуков нравственно, ценили их стремление что-то собрать/разобрать, сделать что-то новенькое и интересное. Какими воспоминаниями мой папа с тётей и дядей только не делятся: как они учили летать кур с сарая, как бегали под гору, помогая своей бабушке Агафье, как весело с друзьями собирали бутылки по берегам речки. Жизнь протекала просто, наивно и по-житейски гармонично, но наполнена она была такой теплотой и искренностью, что именно эти приятные чувства остались в памяти моих родных и близких.

На дворе 21 век, все люди куда-то спешат, что-то всё хотят. И это правильно, нужно мечтать, к чему-то стремиться. Но как же не хватает тех минут, проведённых рядышком с дедушкой, когда он любил подыграть нам на гармошке, расспросить нас про наши успехи в школе. Не хватает бабушкиных разговоров на кухне за чашечкой чая с шанежками и вареньем из мать-и-мачехи. Уже никто не попросит тебя «почапать» шерсть и связать красивую шапочку для куклы, в которую ещё играли её дети и племянницы. Только спустя годы осознаёшь, что именно в этих разговорах по душам и была вся суть жизни, все знания, передающиеся тебе испокон веков.

Своим жизненным примером, своей безграничной любовью они подарили нам, многочисленным внукам (нас восемь), веру в прекрасное, бесконечное и неземное. Благодаря им, я уверена, что моя жизнь будет прожита не зря.

P.S. Бабушка Капитолина и дедушка Леонид, я вас очень люблю и благодарю за ту любовь к жизни, которую вы в меня вложили.

Слава Богу за всё

Как только светает, мы мчимся к тебе
Сказать пару строчек о нашей судьбе.
Открытая душенька рядом с тобой,
Спаси нас, Хороший, укрой с головой.

Припев.

Слава Богу за всё, слава Богу за всё, слава Богу за всё.

Мы – раскрытая книга в мире грешном и брэнном,
Помоги нам, Господь.
На тебя уповаем, жизни путь выбираем, к свету держим наш путь.
Слава Богу за всё, помоги не свернуть.

Мы – дети, поломанны наши сердца,
Забыли, что значит любить до конца.
Но ты поднимаешь нас выше Земли,
С молитвой живём, нас Спаси, сохрани.

Припев.

Слава Богу за всё.

**Ода Ученику
(Спасибо, Ученик!)**

*Моим славным ученикам – Илье и Никите Димовым,
Антону Козлову, Фаине Красновой, Никите Меняйлову,
Таисии Передериевой, Александре Песеговой,
Вахтангу Читая, Максиму Шеину,
окончившим в 2002 -2004 гг.
Ухтинский гуманитарно-педагогический лицей,
посвящается*

Спасибо, Ученик, как никогда мне ясно –
гранит наук с Тобой грызём мы не напрасно
и, к знаниям горя любовью чистой, страстной,
тропой одной идём *per aspera ad astra**:

Спасибо, Ученик, что Ты усвоил с детства –
Язык – не только цель, но и познания средство.
И то, что на родном с Тобой не дочитали,
прочли мы до конца уже в оригинале.

Здесь истина проста: когда ты обучаешь,
известного уже грань новую познаешь
И радостно вдвойне, если, узрев путь новый,
ответ найдёшь ты свой, а не прочтёшь готовый.

С героем рассчитав Р. Кэрриера точно,
нашёл Ты, Ученик, подземных вод источник
и, с головой уйдя в да Винчи Эльдorado,
пытался разгадать загадку Леонардо.

Спасибо, Ученик, что в радость, не в обузу
штудируешь язык, всем поклоняясь музам,
и, фибрами познав оригинальность блюза,
публично защитил ты честь Лэнгстона Хьюза.

Скажу Вам, Ученик, без преувеличения:
Меня Ты вдохновил на это сочинение
и, чтоб ни дня не жить без строчки и без спорта*
Бианта* не забудь “*Omnia ... tecum porto!*”

- ***Per aspera ad astra*** (лат.) «Через тернии к звёздам»
- ***Omnia mea tecum porto*** (лат.) «Всё своё ношу с собой». Смысл изречения греческого философа Бианта Приенского (590-530 гг. до н.э.) состоит в том, что истинное богатство человека в его внутреннем содержании
- **спорт** – зд. Полезное любимое времяпрепровождение, уводящее от грехов, пороков, соблазнов и вредных привычек

Здравствуй, «жемчужина Севера»!

Есть, возможно, края и красивей,
лет набравшие и высоту,
но из всех поселений России
воспеваю мою Ухту,
нашу с Тобою Ухту.

Ей ведь всего-то полвека с лишним,
но поверьте вы на слово мне –
всем зарубежьям – дальним и ближним –
есть что сказать об Ухте,
нашей с Тобою Ухте.

Припев:

Так, здравствуй, «жемчужина Севера»,
здравствуй, город нефти и белых ночей!
Знаю я – вопреки всем ненастьям,
встретишь тысячный свой юбилей!

Чечь тем геологам, что на века
тут развели недра Земли.
Слава и зодчим, и газовикам,
что тысячи вёрст прошли,
и в стужу, и в зной прошли.

И вам всем спасибо, деды, отцы,
за ваш труд от зари до зари,
чтоб дети учились, рябины цвели,
Ухтою гордиться могли,
нашей Ухтою могли!

Припев

Дружбы народов наша страница,
разных этнокультур вернисаж.
Здесь остаёмся жить и трудиться,
чтоб хорошел город наш,
северный город ты наш!

Припев

Так, здравствуй, «жемчужина Севера»,
здравствуй, город нефти и белых ночей!
Знаю я – вопреки всем ненастьям,
встретишь тысячный свой юбилей!
Знаю я – вопреки всем ненастьям, Ухта,
встретишь тысячный свой юбилей!

Алексей Сухаров

Милая, малая родина

Ты не будь слишком сильно расстроена:
От твоих поцелуев – оскомины.
Отпусти, раз пора уже, вроде бы,
Моя милая, малая родина.

Моя милая, малая родина,
Как красиво ты сшита и скроена!
Топь болот да вода беспокойная,
Лес густой разбегается волнами.

Чёрный дым разлетается спорами,
Вдоль дорог собираются вороны –

Ты скажи-ка мне, малая родина,
Отчего так недолго мы молоды?

Моя милая, малая родина,
Здесь узнал, что воистину дорого,
Здесь узнал: на расправу мы скорые,
Здесь узнал, что молчание – золото,

Здесь и кровь моя первая пролита,
И мечты мои здесь похоронены.
Отпусти, раз пора уже, вроде бы,
Моя милая, малая родина.

Море в капле

Яна и Света вышли из лаборатории на послеобеденный перекур. Их белоснежные халаты сильно контрастируют с апрельской слякотью.

– Ещё пару часов – и всё, – вкусно затягиваясь, смакует Света.

– Что «всё»? – интересуется Яна.

– В отпуск, – коротко и довольно сообщает первая.

Яна непонимающе вглядывается в коллегу, а та, смекнув, что где-то здесь зарождается зависть, подкидывает дровишек:

– К четырём уйду, собираем с мужем вещи и ночью улетаем. В пять утра по-нашему – море, солнце и песочек. Красота.

– Везёт, – цедит сквозь зубы Яна.

Она суетно докуривает и ищет, где бы побыстрее притушить дамский ментоловый бычок.

– Я себе для этого случая такой купальник прикупила, слушай, – продолжает Света, догоняя неслушающую и разобиженную Яну. – Фиолетовый, с бретельками...

Ну и сволочи же.

Яна садится на стул, делает из чашки глоток и пытается успокоиться. Неа, дело тут отнюдь не в зависти, как подумалось Свете, – более того, даже не в Свете самой. Яна сейчас вспоминает свой разговор с начальством меньше месяца назад – тогда они отнекивались, извинялись, дескать, Ян, ну никак сейчас в отпуск, работы навалом, потерпи немножечко, как всё разгребём, так первая пойдёшь. А она очень хотела, это, можно сказать, было ей необходимо – её так утомили бесконечные колбы, реактивы, препараты, микроскопы, центрифуги и прочее, прочее, что ещё чуть-чуть – и ударит психоз. Яна как могла стиснула зубы, пробирку от натуги в них

зажала, чтобы продолжить ходить сюда шесть дней в неделю, утопая в однообразных и рутинных действиях с пипетками и растворами, ожидая, надеясь и веря, что вот уже скоро Андрей Геннадьевич подкрадётся, по плечу хлопнет да скажет, ну что, Янка, с понедельника, заказывай билеты – а вот сегодня она узнаёт, что отпуск получила Света и, судя по всему, без всякого на то сопротивления. Нет, ну не сволочи ли?

Сволочи, конечно, и Яна уже было привстала со стула, чтоб вломиться в кабинеты начальства этажом выше и устроить конкретный разнос, но опомнилась и присела обратно. Это выход, конечно, но в него придётся выйти с вещами, да и мужа, с приличным доходом, как у Светы, у неё нет. Ругань и увольнение – вариант, но не лучший. Да, она отдохнёт и куда-нибудь слетает, что уже совсем неплохо. Но а дальше-то что – путь обратно ей будет заказан. Дальше-то куда?

Яна сгорбилась, упёрлась ладонями в щёки и теперь зло оглядывает место своего рабочего заточения. Через три лабораторных стола, прямо у двери на склад, стоит, выпячивая грудь, счастливая и стервозная Света. Она как будто уже на отдыхе и как будто уже напялила на себя фиолетовый, с какими-то бретельками, купальник: флиртует, пока муж не видит, с худым, низким и щетинистым (и оттого совершенно не ясно, сколько ему лет) грузчиком, кажется, Колей. Он, очевидно, смущается от такого внимания, но с каждой минутой общения становится всё смелее. Понятное дело, что ничего ему не светит, а действия Светы интуитивно понятны: метит территорию и, вполне вероятно, разминается перед возможным курортным романом с кем-нибудь гораздо более симпатичным, солидным и статусным. Яна более не в силах смотреть на эту странную парочку, отворачивает голову в противоположную сторону и вдруг замечает на соседнем столе готовый к работе и анализу аппарат. Между двумя тончайшими усиками аппарата, опутываемая, будто паутиной, лучами света, зажата крошечная капля воды почти идеальной формы. Яна чуть не подскакивает со стула от озарения, а план её дальнейших действий созревает быстрее лабораторной плесени.

Ей нужно попасть на склад, мимо Светы и случайной жертвы её заигрываний. Честно говоря, склад вызывает у Яны исключительно негативные эмоции: высокий потолок и широко расставленные стены, огромное количество забитых доверху полок, повсюду коробки *handle with care*, баллоны *extreme caution* и летучие жидкости *flammable*, в общем, того и гляди накосячишь, что с природной неуклюжестью Яны не выглядит как вариант фантастический. Короче, стресс, но сейчас она проникнет туда, чтобы в перспективе от него избавиться.

Яна делает вид, что легко и уверенно шагает на склад, но мимо Светы, поймавшей кураж, так просто не протиснешься:

– Чего, Ян, закончилось что-то? – одним только тоном она обозначает превосходство над своей страшенькой подружкой.

– Ага, реактив.

– Ты хоть не споткнись там, – усмехается Света.

Какая же сучка, думает про себя Яна, пробираясь сквозь стекло колб и плотную, вздутую пластмассу бочек. Где-то там, в самой глубине склада, затаилась нужная ей ёмкость. Новейший, экспериментальный препарат. Использовать только по назначению, соблюдая протокол безопасности D.

Яна встала прямо перед ёмкостью и на мгновение задумалась, как будто не была уверена в том, знакома ли она с протоколом D, но затем смело потянулась к стеллажу слева и достала из картонной коробки нужную пробирку. Ей всё равно придётся его нарушить, этот протокол. Исключительной плотности стекло. Не поддающаяся реакциям крышка. Только она подходит для нашей экспериментальной, божественной влаги.

Яна покинула склад, стараясь выглядеть как можно менее подозрительно. Тут же обращается ко Свете, упреждая возможные от неё вопросы:

– Отлучусь на минутку?

– Ладно уж, – всё так же самоуверенно кивает Света.

Яна спешит по апрельской слякоти, более не беспокоясь о белоснежности халата, к расположенной неподалёку детской площадке, пока бирюзовая, схожая с бензином жидкость в её кармане игриво прыгает по стенкам пробирки и бьётся в не поддающуюся реакциям крышку. Самое главное уже сделано, а сейчас осталось по мелочи – так сказать, приятные хлопоты. Яна пролетает вдоль никем не занятых, в связи с сезоном, горок, качелей и каруселей прямо к песочнице. Местами оттаявшая, она, как и подобает песочнице, содержит в себе много грязного, сырого песка. Яна поморщилась, но все же зачерпнула нужное количество в заранее приготовленный контейнер. Оглянувшись по сторонам, как преступник, и убедившись, что рядом никого нет, она быстро вернулась обратно к дороге.

Следующая (и конечная) точка маршрута – мебельный магазин. Яна и здесь не стала задерживаться:

– Складной шезлонг, будьте добры.

Продавец продемонстрировал несколько доступных моделей. Яна остановилась на светло-зелёном.

Сложив шезлонг в крупный целлофановый пакет, Яна поторопилась обратно. Почти четыре вечера. Жизненно важно сейчас не наткнуться на Свету. Яна предусмотрительно встала в отдалении, закурила и стала выжидать свою стержовую коллегу.

Вот и она. Крутит попой, накидывает модную сумочку на плечо и прощается с худым и низким Колей, что так по-джентльменски вышел её проводить. Она кокетливо машет ручкой и топает в противоположном от Яны направлении.

Сотрудники постепенно покидали лабораторию. Яна старательно создавала иллюзию деятельности, периодически проверяя, на месте ли спрятанный под столом пакет с шезлонгом. Всё ближе к шести часам и всё тише становится в здании. Начальство с этажа выше тоже завершало рабочий день.

– Чего, Янка, домой не торопимся? – Андрей Геннадьевич, одетый в симпатичную весеннюю куртку, улыбался, придерживая портфель.

– Сейчас уже, скоро, – отвечала Яна, размешивая и растрясывая бесцветную и бесполезную в данной ситуации кислоту.

– Ну ладно тогда. До завтра.

Хлопнула дверь, и Яна подкралась к аппарату с каплей, усиками и светом. В оглушающей тишине она схватилась за ручку, опуская каплю как можно ближе к поверхности стола.

Андрей Геннадьевич. Какой же приятный мужчина, всегда уважительный и свойский, даром что начальник. Вполне молодой и красивый. Если бы и втягивать кого-то в такую авантюру, то только его.

Яна хватается пинцетом песчинку, обрызгивает её чистой водой и аккуратно вкладывает в каплю. Песчинка опускается на дно. Иглой шприца лаборантка вводит вплотную к песчинке малюсенький шарик воздуха. Яна шумно выдыхает от напряжения.

Жаль, что у Яны никогда не хватало смелости – ни на то, что вместе отправиться в импровизированный, совершенно безумный отпуск, ни даже на то, чтоб просто притвориться, что после работы им сегодня с Андреем Геннадьевичем совсем чуть-чуть по пути.

Яна достаёт шезлонг из пакета и кладёт его на стол. Вынимает из кармана пробирку с бирюзовой, схожей с бензином жидкостью. Сбрасывает с себя халат и обувь, оставаясь лишь в нижнем белье. Совершенно ничего особенного – другими словами, не фиолетовый, с какими-то бретельками, купальник, но ведь и море будет не настоящим. Залезает на стол с ногами и вглядывается внутрь пробирки.

Со склада раздаётся какой-то подозрительный шум – может, там ещё остались грузчики – поэтому у Яны не остаётся иного выбора, кроме как действовать решительно. Крышка слетает с пробирки. Бирюзовая жидкость льётся на неё, её бельё и шезлонг. Ни капли на стол, на пол или ещё куда-либо – иначе всё пойдёт прахом. Яна закрывает пробирку и чувствует, как она тяжелеет в её руках, быстро увеличиваясь до колоссальных размеров. Её глазами это выглядит почти как аттракцион – всё вокруг резко становится далёким, она будто падает с самолёта лицом вверх. Процесс ускоряется, Яну практически тошнит и валит на спину.

Все, что она сейчас видит – это огромная капля воды на горизонте, опутываемая, будто паутиной, лучами света. Яна берёт под мышку шезлонг и идёт к капле, наступая на собственные отпечатки пальцев.

Лаборантка понимает, что теперь ей необходимо преодолеть толщу воды. Нужна будет скорость. Яна бежит, подмечая, что в маленьком теле это делать всё так же непросто, как и в теле большом, но в данном случае жалоб на одышку от неё не поступит.

Обидно, что она не озаботилась о напитке, но с другой стороны – пронести его сквозь воду было бы почти невозможно.

Яна прыгает и рассекает поверхность капли, на пару секунд задержав дыхание и прикрыв глаза. И вдруг – она чувствует под своей ногой мягкую, приятную, тёплую поверхность. Лаборантка расслабляет веки и окидывает взглядом пространство вокруг.

С кремами для загара было бы проще, но, может быть, в следующий раз?

Всё получилось.

Яна лежит на шезлонге, сложив руки под голову. Свет ламп греет её бледную кожу почти естественным теплом, а в «небе» кружат инфузории-туфельки.

Даже быстрее, чем эта долбанная сучка Светка, думает про себя Яна.

Новейшего, экспериментального препарата, увеличивающего объекты до прежних размеров, в лаборатории не оказалось.

.....
Дарья Токаренко
.....

Билет в кино

Лениво перебираю ногами, оглядывая улочку шахтёрского посёлка. Заснеженная дорога, высокие фонари с жёлтым светом, деревья и кустарники в белоснежных шапках, тёмное небо. Морозец мягко щекочет щёки и нос. Подхожу к магазину, в который отправила мама, и, оглянувшись, захожу внутрь.

Купив всё по списку, врученному мне мамой, выхожу, смотря под ноги. Спускаюсь по крыльцу и замираю. На моих ногах беленькие валенки, хотя я была в сапогах, когда заходила в магазин, и крыльца здесь не было. Из рук исчез пакет, на мне тёплая шубка, какую я видела на фотографиях моей бабушки, когда она была совсем ребёнком, а это было достаточно давно, шапка, связанная вручную, и варежки в сочетание к шапке.

Поднимаю глаза и вижу, что фонари на деревянных столбах, впереди аллея с заснеженными деревьями, а слева от этого здания, которое появилось здесь вместо магазина, расстелился большой каток. На нём резвились дети, а оперевшись на бортики, родители наблюдали за ними. В центре катка – высокая, тёмно-зелёная, припорошенная снегом ёлка, украшенная самыми разными, разноцветными игрушками. А из-за катка выглядывает ледяная горка. На ней тоже резвились,

смеясь и хохоча, детишки. За небольшими одноэтажными домиками виднелся терриконик, присыпанный снегом, а ещё по склону двигалась небольшая вагонеточка с фонарями. Прохожу вперёд по аллее, и через дорогу много деревьев и два неработающих фонтана.

– Даша! – слышу возглас за спиной и оборачиваюсь. Вижу перед собой светловолосую девочку, одетую в похожую шубку, тёмные валенки и тёмные шапку и варежки. И в памяти возникает её имя, хотя я вижу её первый раз. Кажется, она живёт в соседней квартире.

– Привет, Катя! – отвечаю ей.

– Мы завтра с папой и с моим братом идём с терриконика кататься на лыжах. Хочешь с нами? Машка уже с нами.

– Я спрошу у мамы и, если что, завтра скажу тебе, ладно? – продолжаю рассматривать Катю.

– Ладно, – улыбнувшись, отвечает светловолосая и убегает в сторону высокого молодого человека. Она берёт его за руку, и они уходят. Видимо, это её брат.

Спустя пару минут прихожу домой. Снимаю верхнюю одежду и иду на кухню. За столом сидит папа, устало улыбаясь, а над кастрюлями и тарелками хлопочет мама.

– Привет, пап, – обнимаю его за плечи.

– Здравствуй, дочь, – папа обнимает меня в ответ.

– Привет, мам, – целую её в щеку.

– Привет, милая, – мама левой рукой приобнимает меня за плечи.

– Мама, пап, Катя завтра с папой и братом идут с терриконика кататься на лыжах. Можно мне с ними пойти? – спрашиваю родителей, окидывая их осторожным взглядом.

– Ну, я думаю, раз идёт Катин папа, то мы можем доверить тебя в их руки на прогулку? – зевая, отвечает папа.

– Да, конечно, иди, – так же соглашается мама. – Только осторожно и оденься потеплее.

– Спасибо, – радостно отвечаю родителям и направляюсь в сторону своей комнаты. – Пойду, прочитаю.

– А кушать не будешь? – спрашивает мама, выглядывая из кухни.

– Нет, спасибо, я не голодна, – отвечаю, оборачиваясь, и захожу в комнату.

Всё очень мило и уютно. Деревянная кровать, аккуратно застеленная, рядом деревянный письменный стол и шкаф в цвет кровати и стола. Ковёр, какой лежал в комнате моей бабушки в моём времени. Над столом висела полка, а на полке, как мне кажется, стандартный набор: Пушкин, Лермонтов и Гоголь.

Беру первую попавшуюся книгу и, присев на кровать, начинаю читать. Не знаю, сколько времени прошло, но, видимо, достаточно много, потому что в комнату заглянула мама со словами о том, что пора ложиться спать. А когда я накинула лёгкую сорочку и залезла под одеяло, укутавшись по нос, в комнату она заглянула уже не одна, а с папой и с пожеланием спокойной ночи. Закрываю глаза и с мыслями о том, каким же весёлым и незабываемым будет завтрашний день, засыпаю.

***

Просыпаюсь от лёгких ненавязчивых толчков в спину.

– Даша, подъём, – будит меня мама, растягивая гласные. – Катя заходила, спрашивала, идёшь ли ты кататься на лыжах, я сказала, что идёшь.

Открываю глаза. Точно, Катя, лыжи!

– Во сколько она зайдёт? Не сказала? – спрашиваю маму, выпутываясь из одеяла.

– В двенадцать, так что не торопись. Сейчас только одиннадцать, – растолковывает мама. – Тебе папа оставил пять копеек. Сказал, что в Клубе «Старика Хоттабыча» недавно крутить начали, – добавляет она и уходит на кухню.

Пять копеек? Неужели, билеты в кино так дёшево стоят в этом времени? Когда-то в кино показывали фильм «Старик Хоттабыч»? Всё так необычно!

За сборами и завтраком время пролетело незаметно. А потом пришла Катя, её папа и брат. Мы отправились за Машей. Забрав каштановолосую из рук её папы, мы с лыжами и палками за спинами отправились на терриконик. Мы подминаемся на первый склон. Красиво здесь, и воздух, будто, свежее стал.

У лыж очень необычные крепления, не такие, как в моём времени. Но, вроде как разобравшись с креплениями, лыжами и палками, мы начали кататься. Первым поехал Катин папа, прокладывая некое подобие трассы. Следом за ним, как самая смелая, отправилась Машка. Она резво поехала вниз и, взвизгнув, остановилась рядом с мужчиной.

Дальше отправилась я. Склон был небольшим, но, когда скатываешься с него, кажется, будто он бесконечный. Лыжи легко скользили, и лёгкий ветерок обдувал лицо. Ещё немного и, помогая себе палками, оказываюсь рядом с Машей, которая, наблюдая за всем происходящим, широко улыбалась. За мной, визжа, неслась Катка. Так и пронеслась мимо нас и, не остановившись, но, уже замедлившись, уткнулась носами лыж в сугроб.

– Катя! – зовёт девочку её отец. – Я кого учил в прошлый раз тормозить при съезде с горы?

– Прости, пап, – Катя подъехала к нам. – Не успела сообразить, – светловолосая виновато улыбнулась.

Со склона быстро скатился Миша, её брат, плавно затормозив.

– Да, что «прости, прости». А если б не сугроб? – Катькин папа сбавил тон. – Ладно, поработаем ещё над этим.

– Эх, Катерина, – вздохнул Миша. – Пап, а можно со второго склона?

– Ну, ты иди, а вы девочки? Хотите со второго склона? – папа подруги оглядел нас, мягко улыбаясь.

Все отрицательно замотали головами, даже Машка, которая была самой смелой и отчаянной.

Так мы и катались с первого невысокого склона под присмотром Катькиного отца, а её брат иногда проносился мимо нашей девичьей компании, сосредоточенно глядя на своеобразную трассу.

Начинало вечереть. Солнце мало-помалу закатывалось за горизонт, даря последние дневные, пусть и не тёплые, лучи. Небо окрашивалось в тёмные цвета, намекая, что пора бы уже оказаться в каком-нибудь местечке потеплее, нежели улица.

– Девочки, как вам идея сходить в кино? – спрашиваю у подруг, когда мы проходим мимо Клуба.

И Маша, и Катя охотно согласились на моё предложение. Катя попросила пять копеек на билет у папы, а Маша попросит у мамы, которая работает в Клубе. Катин папа и её брат отправились в сторону наших домов, неся с собой ещё несколько пар лыж, помимо своих. Я, Катя и Маша идём по небольшой аллее из заснеженных деревьев. Мы вместе заходим в длинное деревянное здание, которое появилось здесь на месте магазина, в который мама отправила меня почти день назад.

Заходим внутрь. Скамеечки, в углу стол, невысокие двери, видимо, в зал, а справа от входа женщина продаёт билетки. Мы купили билеты, расстегнули шубки и сняли шапки, а потом нас уже и в зал стали запускать.

Кино было интересным и забавным. Мы с девочками одеваемся в холле Клуба, обсуждая посмотренное кино. Когда мы выходили, я увлеченно рассказывала девочкам о своих впечатлениях. И, обернувшись из-за того, что подруги притихли, широко распахиваю глаза. Дверь и стены магазина, внезапно. Мой шуршащий пуховик и пакет в левой руке. Нет ни Клуба, ни девочек, ни заснеженной аллеи впереди. Только маленькая пожелтевшая бумажечка в правой руке: «Билет в кино. 5 коп.» Удивлённо усмехаюсь и, оглянувшись, быстрым шагом, практически бегом, направляюсь в сторону дому. Это был самый интересный день моих зимних каникул.

Двадцать шесть миллионов

Всё та же берёза. Она стала чуть выше и сильнее. 5 лет назад в неё ударила молния и расколола ствол надвое, но прошли годы, и неумолимое движение судьбы сделало своё дело. Ствол начал срастаться, образовав причудливое окно посередине. Мне уже 70 лет, и я вижу это дерево на протяжении всей своей жизни. А сколько оно росло до меня?

– Привет, ба!

– Привет, Катя, – это моя внучка, – обедать будешь?

– Пока нет.

Так о чём это я? Да, безмолвным свидетелем скольких события она стала?

– Ба?

– А?

– А сколько тебе лет?

– Много, даже слишком. Если честно, в твоём возрасте я не верила, что столько вообще живут.

– Ну сколько? – допытывался потомок.

– 70.

– Угу, – на лице изобразился сложный вычислительный процесс, – значит, в 2022 тебе было 18 лет?

– Да, а что тебя так интересует?

– Мы сегодня на уроке проходили войну 2022 года, получается, ты её застала? Я просто не понимаю, совсем не понимаю, как такое могло быть, что кто-то на кого-то напал? Ведь это противоречит всему. Мы...мы бы никогда не допустили войны! Мы против...

– Стоп. – Мой «Ленин» с броневика взглянул на меня с недоумением. – Ты ничего не знаешь о войне, Катя.

– А ты разве знаешь?

– И я не знаю. Мы с тобой ничего не знаем о войне, Катя, но я расскажу тебе о том, что когда-то заложило основу моего существования, на чём должна строиться жизнь каждого человека, особенно в нашей стране.

В 1945 году...

– Уууу... – на лице внучки изобразилось презрение к такой древности.

– В 1945 году, – увереннее повторила я, – наша страна недосчиталась двадцати шести миллионов человек. Это примерно население Москвы и области в наше время. Обычно то, что вытворяли тогда фашисты, называют «геноцидом советских

граждан». Слишком сухой термин. Что бы ты сделала, если бы сейчас в дверь постучали?

– Пошла бы открывать.

– А ты знаешь, какой национальности твои родственники?

– Н-нет...русские?

– Ты совершила уже две фатальные ошибки. В период с 1941 по 1945 ты бы не пошла просто так открывать. Ты бы вспомнила до 10 колена свою родословную и были ли в ней евреи или цыгане. А если бы ты оказалась просто русской, не беда. Тебе бы привели 1000 причин, почему ты не человек, и ты бы сама с ними согласилась.

– Но это же не справедливо.

– А фашисты не руководствовались справедливостью, они действовали по плану «Ост».

Ты говоришь «нет» войне. Ты уверяешь, что войну вы бы не допустили (ещё интересно узнать, кто это такие «вы»). А война не спрашивает никого, она не берёт ни у кого допуск. Она низвергается на твой народ.

Мы ничего не знаем о войне, Катя, чтобы о ней говорить. Но мы должны говорить! Представь, что ты приходишь, а меня нет.

– Где нет?

– Нигде нет! В мире нет. И больше не будет. Тебя никто не спросит об обеде и не подарит носки на праздник. Никто не испечёт булочки с джемом и не согреет кашу с утра. Меня нет.

– Не может такого быть.

– Это называется смерть, Катя. А теперь представь, что и тебя тоже нет. Совсем. Вся твоя жизнь, все твои мысли и чувства, вся ты с твоей многогранностью, твоими мечтами, воспоминаниями и стремлениями, книгами и играми, твоей любовью и нежностью, твоими потягиваниями по утрам и зеванием на ночь, с твоим любимым вареньем и всеми фильмами, которые стали частью тебя, со всем твоим порывом сказать что-то этому миру, со всем твоим желанием жить – стёрты, уничтожены преступной волей другого человека. И не будет больше тебя никогда. А в Великую Отечественную войну были убиты миллионы таких бабушек и внушек. Мне 70, тебе 17. Между нами целая жизнь: у тебя впереди, у меня позади. Но это никому не было бы интересно. Самое страшное, что на войне перестают видеть в человеке человека, он, его жизнь, обесцениваются, становятся равны цене патрона для винтовки, а иногда и того меньше. Иногда даже патроны не тратили на людей – люди не стоили, их сжигали, как осенние листья весной, как мусор. И знаешь, Катя, все эти миллионы бабушек с радостью бы сказали «нет» войне, только никто не спрашивал. На войне не спрашивают, там выбирают: с кем ты, с вот этой берёзой за окном, с миллионом таких берёз, со всеми людьми, которые смотрят в будущее

вместе с тобой, или против. Против себя, своей совести. Один неверный шаг и всё кончится как в фильме «Проверка на дорогах», где измену, минутное колебание пришлось перевешивать настоящим подвигом. А потому весь народ от мала до велика поднялся тогда на защиту самой жизни. Это был не геноцид советских граждан, это было преступление против самой Земли со всем живым, что на ней есть, против веры в человека и его будущее. Нам кажется, что тогда были другие люди – высеченные из гранита, как памятники, что стоят у нас на площадях. Но они были такие же, как мы. У них были свои взгляды и интересы, свои ссоры и размолвки. Они так же, как мы, кого-то не любили, с кем-то спорили. Они бывали недовольны или злы. Но как только первый снаряд упал на границе СССР, как только первый ребёнок в люльке уснул навсегда, всё это откололось, и остался гранит.

Об ужасах войны снято и написано много. Но пока ты не поймёшь, что война коснулась лично тебя, ты никогда их не узнаешь. Пока сам не увидишь глаза человека, сверкающие ненавистью, и не отшатнёшься в ужасе, не узнаешь. И ты единственный, кто в этот момент может остановить расползание этой ненависти. Ненависть отравляет всё вокруг, она отравляет наши сердца, особенно, когда, по присущей нам забывчивости, мы отрываемся от контекста истории. Вот ты делаешь себе заметки на грифельной доске, чтобы из-за своей рассеянности не пропустить что-то важное. Кто бы сделал заметку всему человечеству? Не нужно много букв, только две цифры и слово: 26 (а на самом деле во всём мире гораздо больше) миллионов. Достаточно представить, что эти 26 миллионов человек стоят за твоей спиной и становятся свидетелями любого твоего дела, мысли и как бы спрашивают: что ты делаешь? Зачем? Тогда бы точно не было бы в мире войн, потому что стыдно стало бы. Все наши мелкие разногласия показались бы смехотворными. Но ведь и раньше были войны, и раньше умирали, и сколько раз уже кровью люди писали своим потомкам: опомнитесь. Но кто-то не видит, не слышит. Началась Вторая мировая война, за ней Великая Отечественная, нацисты не слышали, им не было стыдно. И тогда, в далёком 2014, нацисты тоже не постыдились, не услышали. Поэтому надо жить вечным напоминанием о тех людях. Нам некуда отступать, у нас за спиной стоят они и ждут нашего решения. Потому нужно помнить о Хатыни, Освенциме, Бабьем Яру, о Курске и Сталинграде.

– А что было в 2022?

– В 2022 году, милая, Родина напомнила, что она есть, и все это внезапно почувствовали. Но об этом я тебе обязательно расскажу и буду рассказывать, пока буду жива.

Я оглянулась, со стены на меня смотрели портреты моих предков. Их становилось больше, миллионы, но лица не сливались. В первых рядах стояла и моя

бабушка, и взгляд её был полон света и тепла. Я чувствовала, что всё делаю правильно. А за окном была та же берёза, что и пятьдесят, и сто лет назад.

Наталья Тряскина

Мама

Спасибо мамочка за жизнь,
За ласку и заботу,
Что ты, теплом своим согрев,
Укрыла от невзгоды.

Спасибо за твою улыбку,
За доброту в твоих глазах,
И смех, приятный, нежный-нежный,
Что радует меня.

Спасибо за твою любовь, родная,
За силу и терпенье,
Что в трудный час готова поддержать,
Себя не пожалея.

Спасибо мамочка за всё,
За каждое мгновенье,
Хочу чтоб ты была всегда со мной,
мой яркий лучик света.

Прости меня, когда тебя я огорчала,
Не слушалась, врала,
Прошу поверь я это не специально,
Ведь, сильно, я люблю тебя!

Пусть пройдут годы, десятки, сотни лет,
Я буду помнить мама,
Роднее человека нет!

Олөмысь кымынкө пас

* * *

Нэм помөдз Изьва сёрни лоас вирын,
Көть зэв нин сорлалёны коми кыв.
И Устье йылысь думыс лоас юрын,
Кызд быттьö медводз любитлөма ныв.

Но олөм мунö. Челядь «а»-сянь «я»- öдз
Став бурсö аслыс босьтö водзöвыв.

Кузь войын ме жö, овлö, «я»-сянь «а»- öдз
Ас олөм бергöдлывла бөрöвыв.

Мед выльпöв медводз висьтавыны «мам» кывсö,
Да школаöдз мед выльпöв коляс чой.
Мед видзьяс вылын няньöн вердны вöвсö,
Важ вичко клубын йöктыны кузь вой.

Мед шондi мольöдас лөнъ тузьöм Изьва,
Көн сьылысь-ворсысь чойяслөн пу пыж.
Мед уськөдчыны выльпöв пипу лызьнас
Зэв пöрысь ниа дорсянь, кытөн креж.

Том вок-сверхсрочник öтпускö мед волас,
И Устье джынйыс волас, көть он кор.
Көть гожöм, Дед Морозöн выльпöв лолас,
Выль патефон да гösнеч ваяс кор.

Мед школасяньыс гöтрасьöмыс волас,
Сэн техникум да армия, колхоз.
И Устьеыскöд көртöдөн мед лолас
Семьякöд мунтöдз топыд, выль совхоз.

Жаль, оз нин мамö чукöрт нимлун майын,
Став чой-вок, уна рöдвуж оз нин во.
Öд квайтымын нин воыс пельпом сайын,
Трудкнижка озыр: нелямын сэн во.

Ай кулөм бöрын дас вит лунья кольли
Андреич öнi – вöли Усьта Коль.

Көть другкöд бертчöм, ворсöм, варччöм коли,
Став бурсö, другö, тэныд, Виско Коль!

Кор уна мунöм волөн грузөн личкас
И Устьесö бетон, кирпич да көрт,

Сэк вöрсö, мусö, Изьва юсö пытшкас
На костö Изьва мортыд оз жö йöрт.

Чужан сиктад мунігөн и автобусын гажа да серама

Кольöм воясö гожöмын могьясөн сюрöдчылі чужан сиктö. Нелямын во сайын нин сэтысь тутöстылі семьякөд, кызди висьтавлöны, бурджык олöм корсьны. Бөрья вояснас унджыкысь нин ветлывлі сэтчö йöзсö видзöддыны да ачымöс петкөддыны.

Вöвлі кад, кор бөрйылі ветлысь транспорт костысь «Заря», «Ракета» либö самолёт. Локтіс сэтшöм кад, кор колö куим район кузя туриставны, медым чужан сиктад веськавны.

Вылын пукалысьяслы локтöма жö юраныс, мый кык точка костын медся дженьыдыс – веськыд визь. Вежонас öтчыдысь Усинсксянь Щельяюрöдз бара шывгыліс «Заря». Эз тай жö тырмы терпенньöныс навигация помöдзыс новлöддыны майшасьысь йöзсö.

Көнешнö, эг нин тшапа тотшкөдчы Щельяюрса вöвлöм корт пристань кузя, а петі васöд берегö. Но мый верма асфальт кузя чужан керка дорöдз таксидн локны, мавтыштис жö быгтьö выйөн сьолöм дорös. Кужöмаöсь да вермöмаöсь тай сьökыд кадас кодсюрöыс уджавнысö.

Висьтася, некутшöм майшасьöм эз вöv, мый эг лок гортö «виль коми» моз аслам катер вылын. Аскинас такси пыдди бөрйи автобус, гашкö, аддзыла сэтысь важдырся тöдсаясöс да и сёрнысь мыйкö выльтор тöдмала. И кыски шуда билет – киö оз кыпöдчы кавычкаяссö пуктыны.

Автобус сулаланінö локті сылөн вөрзян кадö. Моторлөн тшын петан трубасьыс петышталісны синлы öдва тыдалана кольчаяс. Сэтөн жö кык мужик куритчисны. Моторьясныс, буракö, эз часі моз уджавны, да тшын пытшкын сулалісны. Мунысьяс жö, көнкö, да эг тэрмась пырнысöб. Восьса водз öдзöстшс да öшиньястіыс тыдаліс, мый йöзыс уна. Юрö мыйлакö локтісны мövпьяс: «Ог жö нин, көнкö, помöдзыс сулалёмөн мун. Социализм дырйиыд тай Сыктывкарас велöдчигөн пöрысь йöзсö пыр пуксьбдывлі ас местаам. А том нывсö, вöвлі, весиг кыкөнös пуксьöдывли... пидзöсьяс вылам. Капитализмсö стрöитысь татшöм том мортыс, гашкö, öні сюрö жö...»

Мыйлакö, казтысис студенталігөн куритчöмö. Кор болгар вокьяс дас метр кузьта кер вылö сетлісны сизим сантиметр кузьта «Шипка» сигарет. Киö ачыс пырис көрманö. Но эг на эппы öзтыны вомö суйöма сигаретсö, автобуссянь горöдісны, медым ставным öдйö пырам.

Тэрмасьöмөн, бөр мövпьястөг, кыкнан киам көлуйös босьтöмөн, öдйö пыри автобусö. Ог нин вермы висьтавны, вунöдчöм вöсна ли, а, гашкö, и көсьи

петкөдлыны Усинской районса олысьлысь вылыс культурасо. Но сигаретсо вомысь автобус дорас эг съошыг.

Шоперыс, синьяссө читкыртөмөн, дыр видзөдіс мелань. Ме весиг вешйышти да бергөдчөмөн видзөдлі бөрөвыв: кутшөм дивө-чудеса сійө аддзис сэтысь?

Кык мужикыс пыр на вошласисны тшын пытшкын. Налы, тыдалө, авобусыс коліс, кызди витөд көлеса.

Шоперыс жө, веськыд вом рөчсө выловыв кыпөдөмөн да веськыд синсө пыр-пыр сибөдөмбн смешитчөмөн висьтышти:

– А тэныд, гашкө, өзтыштны?

Сиктсаясыс өд абу зэв велалөмаось «ті» вылас сёрнитны да «тэ» вылас оз өбөдитчыны.

Тыдаліс, мый шоперыслөн кыпыдлуныс зэв вылын, да думышти ещө содтыштны. Сигаретсө, көнешнө, вомсым босьті жө:

– Төдан мый, земляк, кымын во нин автобусьясын ветывла, но татшөмыс медводдзаясь сюрис. Куритчысьсө быдлаысь чужьялөмөн вөтлөны. А тэнад автобусад на дорө татшөм ыджыд доньялөм да класснөя өбслуживайтөм. Та вөсна, буракө, авобусыд пыр татшөм тыр йөзөн?

Мый вылө шоперыс шуис:

– М–д Задорнов ещө менам юр вылө сюрис. Мун нин, мун, бөрас местаыс сюрас.

Сэтшөм окота лоис бөрья кывсө ас сайө кольны:

– Да татөн ещө на и Россияын ставлы төдсаяслы запасной местаяс видзөны?! Окей! – мыйлакө дум вылө локтіс уналы төдса серам петкөдлысь артист: – Татчө, гашкө, и Сыктывкарө унаысь воысь Юрий Гальцевыс сюрліс?

Көлуйнам нин бөрө мунігөн нюжөдышти сылысь фирменнөйсө:

– Ö-ö-ö-балдеть!

Авобусыс вөрзис быттьө доддялөма вөвьяслөн гөрдлөм улын.

Бөрас и збылысь вөлі тыртөм места. Но бр-р-р да фу-у-у!!! Вөлі сэтшөм дука, быттьө востөмаось тшыксөм чери кантук... Пукті сумкаос да нурувса еджыд мешөкөс востывтөм өдзөс дорө да пукси мөдар бокас. Билет вузалысь том нылыс локтіс и миянөдз. Первой кывьясыс:

– Коді татшөм дукасө нуө?!

Пукалысьяс костысьяс өтияс чөв олісны. Мөдьяс тшөкөдөмаось синьясныссө, быттьө унмовсьөмаось лөк дука сынөднас лолалөм бөрын. Ковмис меным, кызди медбөрын пырысьлы, гоз-мөд кыв вөйпыштны:

– Дона нылөй! Менам орчча өдзөс дорас куйлысь еджыд мешөкам да сьөд сумкаам эм алиби.

Видзёда да став пукалысьыслөн синъясныс восьсаёсь нин да пельясныс чошкөдөмаёсь, медым төдмавны, кызди жө тайё мортыс адвокаттөг кутас ассьыс честь да достоинствосө дорйыны.

Нылыс весиг чеччыштипс:

– Уска-тошка да дед нин, көнкө... Кутшөм юрөн колө татшөм алибисө автобусас пыртны? Мунысьясыс кө тшөктасны, ковмас көлуйтө кытчөкө кольны либө тшөтш дука алибиыдкөд петны.

Мөвпышти, мый «ликбезсө» сыкөд нуодыштны ковмас топыдөс, но меліа. Изьватас сёрнисьыс бөрйи медся мелі кывсө да заводиті:

– Мадаёй! Ме куимысь нин дед. Да и тэ внучка вылө лөсялан. Пөра нин «алиби» кывсө төдны. Эн жө, көнкө, церковно-приходскөй школа помав да... Тэ көсьян менө автобусьыс вөтлыны. Но дукаыс кө менам сумка-мешөксьым оз сюр, тайё и лөө алибиён. Землякьяс! Он жө, көнкө, вөтлө, висьтася кө?

Гөлөсьяс серамсорөн:

– Висьтась. Серамаёс кө висьталан, дука алибинад колям.

Ковмис висьтасьны:

– Пыдди пуктана присяжнөйяс! Висьтася, мый еджыд мешөкам көрөбканы дзик выль электроинструмент. Исмытөм вылө гарантияыс кызь нель төлысь. Сумканы куйлысь паськөмлысь исмытөм выло гарантиясө кузьмөдөм вылө гөтыр весиг «Ленорөн» мыськис. Ачымөс быдлаті шампуньөн мыськи да бритчөм бөрам чөскыд дука бальзам «Нивеа фор менөн» мавтчышти.

Нылыс «шмонсө» нуөдны да менсьым гарантияөс исавны ки-кокьяснас өткажитчис. Но бара на мөдіс гусьөн ме вылө бөчкасө тырөдны:

– Но кытыськө татшөм пакөстьыс кылө жө!

Бара ковмис ачымөс дорйыштны, көть орччөн пукалысьяс медводзсянь төдісны, кутшөм «мазі» дорсянь кылө тайё унмоськөдана «нектарыс».

– Да вунөдчы нин та йылысь. Босьт узьысь пөрысь дөдөыслысь пидзөс вывсьыс пакетсө да суй, верман кө, кытчөкө лөк дуксө лэдзтөминө.

Автобус матыстчис сиктлань, кытөн велөдчылы 5-өдсянь 8-өд классөдз. Видзёда да, зон лөсьөдчө петны. Сылысь и юасьышти коркө өти классын велөдчысьяс йылысь. Висьталіс и нывбаба йылысь, коді пыр на уджалө.

Синьяс улө усис автобуслөн сулаланінө локтысь машина, да сэтысь петысь сьөд паськөма нывбаба. Синьясөс тшөкөдөмөн дыркодь пукалі-думайті велөдчан кад йылысь. Друг юр кузя быттө мыйөнкө колскөбтисны. Восьтөм синьяс водзын вөлі өдзөс дорын өтрасөн коньөра куйлысь сумкаёй.

Видзөдлі водз өдзөслань. Вау! Еджыд мешөкө вөтчөтапиктө шор ветланінтіыс машинаысь петөма нывбабаыс бөрсянь!

Юрын дзирдышти: «Эз-ө нин лөк дукыс вежөрөс гудырт?» Пыркниті юрам. Мунө! Да ог жө бара лэдз рөднөй мешөкөс кутшөмкө тбөдтөм нывбабакөд. Вошас

өд төдтөминас менам отсөг вылө пыр локтысь киястөг. Уськөдчи петанінлань. А сілө лөсьөдчө нин петны ныбабаыс бөрсянь. Кызд верми культурнойджыка горөдш:

– Авобусысь петысь нывбаба! Сувтлө!

Нывбабаыс бергөдчис. Ба! Да тайө жө сійө нывбабаыс, код йылысь зонмыс висьтавлшс. Сійө, буракө, эз төдмав менө ус-тошнам. Да и кымын дас во нин эг аддзысьлө. А вомө менам эз нин вермы сиптысьны:

– Мешөкө ті бөрсяньныд мыйлакө мөдөдчөма мунны. Гашкө, и менө тшөтш босьтанныд? Ме өд абу на чөвтөм морт, ас видзөм выло туя на. Быдторсө кужа да верма вөчны, а медясө кужа немтор не вөчны.

Сэки билет вузасысьлөн воссис жө вомыс:

– Нывбаба, тэнад дзик татшөм мешөкыд тані. Ыстысьыс тай висьталіс, мый босьтысьыс кутас пө төдны, кытчө пуктөма.

Төдсаөй кутіс лыйлыны синьяснас то менам, то аслас мешөк вылө. Сэсса чужөмыс кутіс кисьмыны-гөрдөдны. Повзышті, медым мыйкө лектор оз жө ло, да гораа:

– Землякьяс! Нинөм лексө нывбаба йывсыс эн думайтө. Сы йылысь ме сөрниті татчө петысь зонкөд. А мешөкө сөрнисө кывзіс...

Изва районас тай быдторйыс нин эм: и экстрасенс, и кияс отсөгөн бурдөдысь, и овтөм керкаын нывбаба-повзөдчысь...

Вот и мешөкө кывзіс да ачыс ли, кодкө синьяслы тыдавтөм ли нуөдіс сійөс... Но ме ас синьясөн аддзылі, мый мешөкыс метр джынійөн бөрынджык вөтөдчис...

– Коля! Тэ али мый?! Да тэ пыр на важкодьыд серам петкөдлысь... – вөйпыштіс ас вөйө воөма төдсаөй.

– Ну, здравствуй, Полина! (Нимыс вежөма.) А кызд нө? Леонид Степанович учительным эз өд лек вылө велөдды. Пыр бур примербөн вөлі серам петкөдлігас.

Сэсса нырсө сөйис шоперыс:

– Тырмас нин, рытнас соловейсө кывзігмоз свиданньоныдтө нуөдө. Мунны колө.

Төдсаөй сідз нинөм висьтавтөг и петюіс.

Ме жө шоперыслы:

– Земляк, тэныд обявление колө өшөдны. Сідз и тадз, автобусам пө овмөдчөма тыдавтөм лов. Петкөдчывлө сөмын автобус пытшкам куричсыяслы. Петкөдчывлө-ө автобус пытшкам курыдтор юысыяслы, колө на прөверины. Та вылө колөны ас вөляөн көсйысыяс... Верит меным, автобус дорад өчередыс мавзолейө кодь лоас. Миллионерөн лоан, ичөтик бар кө ещө пытшкас экспериментсө нуөдөм вылө востан.

Шоперыс тай нырас тшупөдсө пуктөма нин, мый медбөр кылыс пыр лоас менам, немтор эз висьтав. Ме жө, мешөкө вылөвыв кыпөдөмөн, скөрысь:

– Вот мый, бабник! Лёсьодчы, кыдзи кутан сумка-пӧдругаыд водзын мыжсьыд мынтӧдчыны тӧдтӧм бабаяс бӧрсянь вӧтлысьӧмсьыд.

Вылыс юрӧн да нырӧн мӧдӧдчи ас местаӧ. Да-а, збыльысь шуда билет кыскысьӧма! И йӧзсӧ аддзылі, и ачымӧс петкӧдлыштӧ. Эг жӧ эськӧ медводзянь та помлась ышмышт, и кӧть аплодисментъяс эз вӧвны, серамыс кылыиштӧс.

Автобусыс мӧдӧдчис водзӧ, чужан сиктлӧн меліа шамыртӧмлань...

Анатолий Цыганов

Одноклассники

Пока мы живы, можно оглянуться,
Увидеть путь, с которого сошли.
От страшных снов очнувшись, оттолкнуться
От пропасти, к которой подошли.

Эдуард Асадов

У нас был очень дружный класс. Четырнадцать парней. Жили на одной улице, учились в одной школе, в одном классе. Мечтали о дальних странствиях, о морях и приключениях. Когда на Кубе произошла революция, все решили ехать на остров Свободы, чтобы помочь кубинцам в борьбе с мировым империализмом. Узнав о зверствах американцев во Вьетнаме, начали готовиться воевать за освобождение далёкого восточного соседа. Пацаны физически были хорошо развиты. Самодельные гантели и штанги были у каждого. Мы усиленно накачивали мышцы. Чего стоил только один Юрка Кривохижин, которого прозвали Юргэс за то, что он обладал напором гидроэлектростанции. От его дружеских объятий трещали косточки одноклассников.

А вот со стрельбой были у нас проблемы. Мы понимали, что оружие нам никто не даст, а без него во Вьетнаме делать нечего. И тогда решили делать пистолеты самостоятельно. Придумал, как выйти из тупикового положения, Серёга Кузнецов, которого все звали Кузей. Каким-то образом у нас оказалась пачка малокалиберных патронов. Серёга быстро сообразил, что внутренний диаметр трубок тракторного топливопровода точно соответствует наружному диаметру патрона. Мы принялись курочить трактора, за что неоднократно получали взбучки от родителей, но материальной частью себя обеспечили. Первый пистолет сделал Кузя и тут же пострадал, нечаянно выстрелив себе в руку. Но это нас не остановило. Пистолеты мы сделали и очень гордились этим.

Весь класс постоянно что-то точил, пилил и прятал. Единственный, кого не коснулась всеобщая эпидемия таинственности, был Лёнька Кроха, который всегда чего-то опасался. То отговаривал нас от участия в постоянных драках между улицами, а так как никто его не слушал, вынужден был тоже драться. То панически боялся отвечать у доски перед всем классом. Когда его вызывали, покрывался потом, градом катившимся по лицу и капельками скатывавшимся с кончика носа. Ходил он в вечно засаленном костюме с чернильными пятнами. За что кто-то из одноклассников написал на него эпиграмму:

Лёня Кроха –
Он похож на петуха.
В сапогах со шпорами,
С чернильными узорами.

Лёнька обиделся и долго выяснял, кто же так над ним посмеялся. Но никто, конечно, не сознался.

– Где вы видели у меня шпоры!?! – кричал он, размахивая кулаками. Видно, чернильные узоры его мало беспокоили.

А дрались мы часто. Улица на улицу, район на район, посёлок на посёлок. Поводов было много. В основном из-за девочек или из-за того, что кто-то на кого-то косо посмотрел. С нами опасались связываться, но драки были неизбежны. Самым бесшабашным был Вовка Маклаков. У нас даже был шуточный боевой клич: «С нами Бог и Мокла». Вовка всегда лез в самую гущу свалки, и удержать его мог только Юргэс. В этих драках мы самоутверждались. Пацаны даже предположить не могли, что придёт время, когда кому-то из нас придётся воевать по-настоящему.

Из армии поседевшим с орденом Красной Звезды и сломленной психикой вернулся Кузя. Он пережил войну, но не смог приспособиться к мирной жизни. Однажды мы узнали, что наш друг повесился.

А на Кубе побывал Лёнька Кроха. Оттуда он привёз какую-то тропическую болезнь, от которой вскоре скончался.

Это были самые ранние и болезненные потери среди наших парней.

С тех пор прошло много лет, и вот мы опять встретились. Убелённые сединами, с подорванным здоровьем, но всё ещё молодые душой: Юргэс, Мокла, Полтинник, Модуль – как будто и не было прожитых лет.

Сидели на даче у Юргэса, жарили шашлыки и вспоминали.

– Помните, как «Крокодил» запускал спутничек: «Есть спутник трёхступенчатый, а у меня трёхколенчатый». Я раз видел, как он Пашке Романову запустил. Так коленом поддал, что тот лбом дверь открыл. И всё с рук сходило. Сколько бы ни жаловались – всё бесполезно. Инвалид войны, весь в орденах, – вспомнил Модуль.

– Пашка балбесом был, по два года в одном классе сидел. А тут чуть школу не спалил, вот «Крокодил» ему и врезал, – заметил Мокла.

– Романов-то был, конечно, балбес и двоечник, но философ. Вся школа повторяла его высказывания. Помню, когда мы окучивали картошку, Пашка воскликнул: «О пузо! Век на тебя работаю!» – возразил я.

– Он недолго с нами учился. Семья куда-то переехала, и больше никто о нём не слышал, – снова подал голос Мокла.

– Кстати, о спутнике. Помните, когда Гагарин в космос полетел, директор собрал линейку. Мы стоим, ничего не понимаем. Что случилось? А он набрал воздуха и торжественно выпалил: «Товарищи! Срочное сообщение! Запущена ракета в космос с бортом на человеке!» Вот смеху было.

– Да, директор строгий был, при нём в классе никто пикнуть не смел, – вздохнул Полтинник. – А учились хорошо. Помните, когда нам не давался немецкий язык, решили сочинять песни.

Сквозь смех мы запели:

Вир гэен айнмаль ауф магазинэ

Унд зэен вир дас мэдхэн за витриной

– Ви хайст ду?

– Марина.

Марина, Марина. Зэр гут.

Это была одна из песен на тарабарском языке, которую мы пели на модный в те годы мотив «Марина, Марина». Если перевести на русский, то означало примерно:

Мы шли однажды в магазин

И увидели девушку за витриной

– Как тебя зовут?

– Марина.

Марина, Марина. Очень хорошо.

Такие песни помогали заучивать слова, и немецкий язык легче давался.

– Весело учились, – сказал я, вытирая выступившие от смеха слёзы. – Да и вечера были нескучными.

– Весело-то весело, особенно когда мы удирали от пашинских. Накостыляли бы они нам, – задумчиво бросил Юргэс, переворачивая шампур.

Парни соседнего посёлка Пашино традиционно враждовали с нами. Мы их били. Иногда они соединялись с кубовинскими. Тогда их было больше, и они били нас.

– Я думал, у меня лёгкие разорвутся, – засмеялся Модуль. – А Мокла ещё кричит: «Дышите ионами! Бег продлевает жизнь!» Тут ватага с дрекольём догоняет, а он ещё и шутит. Жаль, что нас тогда маловато было.

– Да и сейчас маловато, – подал голос Полтинник.
– Вот бы всем опять собраться. Как-то в городе одноклассницу видел, встретились как родственники, – вспомнил я недавнюю встречу.
– Какая она? – заинтересованно спросил Мокла.
– Какая-какая? Как тебе сказать попроще. Конечно, старушка.
– Да-а. Вот годы что с нами делают, – протянул Юргэс. – А в школе мы её за косички дёргали.
– Пацаны, – встрепенулся Полтинник. – Мы что, в школе старушек за косички дёргали? Позорище!
Это были мои одноклассники, с которыми всегда было легко и весело. Я смотрел в их глаза и видел всё тех же весёлых молодых друзей, будто и не было расставанья и тяжёлой нервной работы вдаль от дома.
Когда все разъехались, Вовка Маклаков отвёз меня на вокзал. Мы обнялись. На глазах у Вовки стояли слёзы. Годы сделали нас сентиментальными.
– Мокла, – сказал я, вытирая глаза, – а здорово, что мы опять встретились.
– Как же иначе, – ответил Вовка. – У нас же всегда был очень дружный класс.

Юлия Чепиль

Детство

Жизнь по-прежнему всё так же несётся,
В годах мала была, как хвостик лисёнка,
Фото на диапозитив, улыбка на плёнке,
Я не забуду себя, смышлёного ребёнка.

Южный ветер перемен навеял мне,
Что семья и никого, ведь роднее нет,
Взрослеешь и понимаешь, потеря лет,
Но мама с любовью мне протянет свет.

Детские каракули и кляксы на листах,
Вспоминаю, была плакса, вся в слезах.
Другой город, чужое столпотворение,
Я спокойна и снова пишу стихотворение.

Карандаш, и далеко не первые рисунки,
Меня хвалят: «ты умничка в этой сфере».
Но мои мысли, громче уличной атмосферы,
Порой бывают слишком нервные сутки.

Особенно грустно, когда взрослеешь,
Намного реже встречи с родителями,
Ты вроде здоров и вовсе не болеешь,
Но рядом с ними жизнь целительная.

Наталья Швецова

Осень жизни

Я по жизни – как по осеннему саду
Разгребая листву – сонных дней череду
До сих пор не поняв: суетиться не надо!
Всё бегу поспешая, или быстро иду.

Торопясь всё успеть, спотыкаюсь о камни
Забывая, что осень – подготовка к зиме.
Только дни шелестят, как листва под ногами
Заставляя гадать: что у них на уме?

Мне бы сесть, отдышаться, подумать о вечном,
Насладиться покоем осенней поры,
Только надо бежать, покоряя беспечно
Может чью-то Вселенную, может чьи-то Миры.

И на этом пути, не привыкнув к потерям,
Понимая, что жизни ускорился ход
Всё бегу и бегу, спотыкаясь о время,
И так целую жизнь, каждый прожитый год.

Вот я снова стою на краю листопада
И хочу в этом медленном вальсе кружить.
Снова осень пришла. Я ей искренне рада!..
Значит надо бежать. А поэтому – жить!

МУ «Центральная библиотека МОГО «Ухта»
Адрес: Республика Коми, г. Ухта, пр. Ленина, 40.
Отдел краеведения
Телефон: (8-8216)75-03-66
www.ukhta-lib.ru